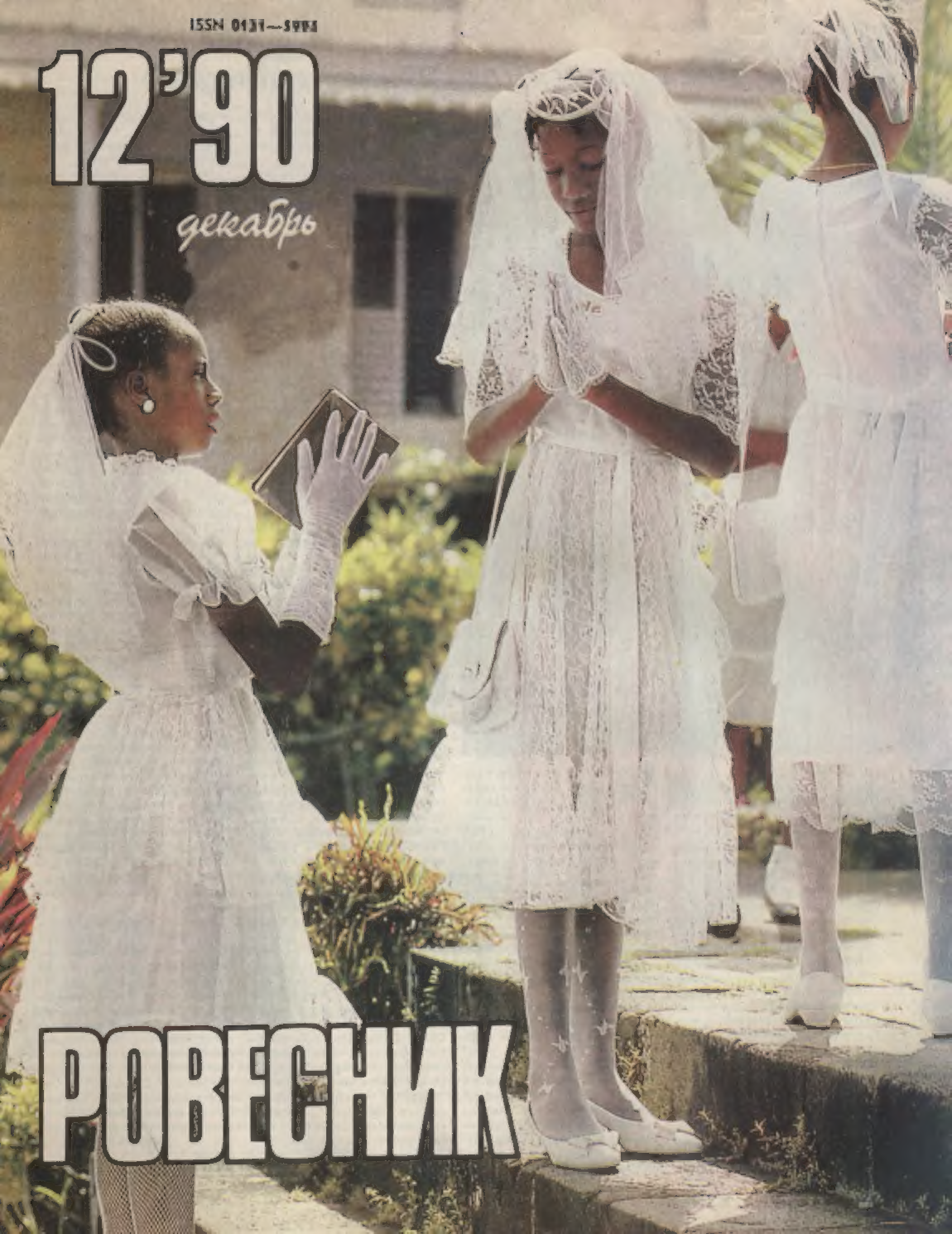


ISSN 0131—2995

12'90

декабрь

РОВЕСНИК

Всемирный Молодежный Телеграф

АРЦАНО. Бестселлером года в Италии стал сборник из 60 сочинений учащихся школы города Арцано с необыкновенным заголовком «Я надеемся, что как-нибудь проскочу». Это комедия ошибок, тексты пестрят уморительными ляпами — потому книга идет нарасхват. Но, если судить по результатам опроса, проведенного по поручению Института промышленной реконструкции среди группы выпускников средних учебных заведений, ситуация плачевна: у молодого поколения, как выясняется, очень низкий культурный уровень. Половина опрошенных не смогли ответить на вопрос, кто назначает председателя Совета Министров; лишь трое из десяти объяснили причину циркуляции воздушных масс над землей; на третью часть вопросов из области гуманитарных наук не ответил никто. «Это просто-напросто ослы»,— таков был единодушный вывод газет. Сообщения об экзаменах в университетах и об опросах студентов полны ответов, которые ошеломляют: оказывается, кубисты — это «жители Кубы», Карла Маркса перекрестили в «Карла Меркса» в честь известного велосипедиста, о знаменитом предпринимателе Адриано Оливетти было сказано, что это изобретатель пишущей машинки.

А пока из обиженного Арцано пришла добрая весть: здесь открыли первую библиотеку.

ГЭМПШИР. Они — никто. Лишь татуировки говорят об их прошлом. Для наркоманов, перемещенных сюда из тюрьмы, «Альфа Хаус» — последняя станция. В этой реабилитационной колонии жизнь — не сахар, но, если хочешь, можешь уйти, тебя не станут удерживать, и ты вернешься туда, откуда пришел,— в тюрьму.

Потерявшие в жизни все, привыкшие к цинизму и ненависти, теперь каждое утро они должны браться за руки, вставать в круг и декламировать хором: «Мы здесь затем, чтобы изменить свою жизнь, научиться быть счастливыми и уметь дружить. У нас, как и у всех, есть недостатки, но своей непримиримостью к ним мы окажем помощь друг другу в обретении новой свободы».

Действительно, непримиримость друг к другу тут — главное терапевтическое средство. В «Альфе» — самоуправление. Все разбиты на группы, администрацией назначаются начальники и заместители из самих наркоманов, отличившихся примерным поведением. Порядок здесь таков: если кто-то замечает за кем-то любой «недостаток», он обязан высказать свое отношение, то есть выплескивает потоки ругани, на что провинившийся имеет право отвечать только одной фразой: «Так точно».

В «Альфе», например, разрешается курить — но лишь в строго отведенное время. Чтобы выкурить дополнительную сигарету, необходимо спросить разрешение. Эти двое парней, которых вы видите на снимке, были пойманы за курением во внеурочное время. Они предстали перед трибуналом, состоящим из членов администрации и примерных ребят. Приговор: перевод в штрафную роту, где по 16 часов в день им предстоит выполнять всю грязную работу.

Многие не выдерживают такой шоковой терапии и возвращаются назад, в тюрьму. Другие готовы терпеть: ведь цена — выход на свободу. «Новую» свободу. Какой она будет для них, прошедших перековку мозгов в «Альфа Хаусе»?

СЕУЛ. Когда девушка выходит замуж за иностранца и уезжает к нему на родину, ей всегда нелегко приспособиться к местным порядкам и обычаям. Разница в привычках, взглядах и вкусах грозит крахом всей супружеской жизни. Но вот в Сеуле уже 20 лет работает школа для корейских невест американцев, в основном военных, служащих на базах США в Южной Корее.

Например, американцы любят поговорить о своих проблемах, но корейские девушки воспитаны иначе: они привыкли не обнаруживать эмоций — и порой это выводит мужа из себя. Поэтому и женихов-американцев тоже приглашают в школу на несколько занятий, на которых им рассказывают об особенностях характера и психики кореянок.

Но в первую очередь программа обращена к невестам: здесь их учат всему необходимому — от правильного оформления денежного чека до вызова «Скорой помощи»,— им преподают американский жаргон и американскую кухню, курс психологии помогает девушкам лучше понять своих будущих мужей.

Трудности во взаимопонимании начинаются еще в период знакомства. Одна из невест рассказывает, что, когда ее родители попросили представить им жениха, она привела его в дом — он вошел, не сняв ботинки. Неуважение жениха страшно расстроило ее и родителей, но на занятиях в школе девушка узнала, что у американцев принято ходить по дому в уличной обуви. Другая невеста рассказала, как рассердился ее жених, когда на свадьбе подаренные деньги она отдала родителям. Жених попросту не знал, что таков корейский обычай.

Что касается денег, то тут девушек инструктируют давать чаевые портье и таксистам, но ни в коем случае учителям — в Корее все наоборот.

Главный же барьер, который приходится преодолевать корейским невестам, совсем другого рода. Когда корейская девушка идет по улице под руку с американцем, она обязательно и не раз услышит от прохожих оскорбления в свой адрес; родители часто отказывают в благословении на брак; друзья отворачиваются. Сегодня, как никогда, в Южной Корее, добившейся высокого экономического уровня, высок и патриотический настрой.

АБИДЖАН. Первое, что вас

встречает в отделении инфекционных заболеваний в госпитале Трейхвиль в Абиджане (Берег Слоновой Кости), — отвратительнейший запах. Палата заставлена койками с больными СПИДом, посредине на раскладушке лежит истощенный черный юноша: моча стекает через дырку в брезенте прямо на пол, в ложбинку, проложенную к сточной канаве. Вокруг роятся мухи. Увы, Трейхвиль — типичная африканская больница: нехватка медперсонала, лекарств, просто белья.

Сотни тысяч людей в Африке умерли от СПИДа. Диктаторские режимы, войны, засухи, нищета, голод способствуют быстрому распространению заболевания. Невежество — тоже одна из главных причин, но просветительские брошюры часто не находят адресатов: огромное количество людей просто не умеют читать. Поэтому пропагандисты вынуждены путешествовать по деревням и рассказывать о болезни; по улицам городов ездят агитавтобусы с громкоговорителями. Повсюду плакаты «Люби осторожно!».

В Абиджане наполовину сократилось число посетителей отелей «приятного времяпрепровождения», где любая пара всегда может снять номер на час. Вождь племени мвемба запретил «обряд очищения», по которому жена или муж заболевшего человека обязывались «очищать» его душу путем полового акта с кем-нибудь из ближайших родственников.

Но превентивные меры в Африке только начинаются, а между тем, по подсчетам Всемирной организации здравоохранения, вирусом, вызывающим СПИД, здесь заражено три с половиной миллиона человек.

БЕРЛИН. Ровно в 7 утра одетые в белоснежные блузки и малиновые жилеты юные официанты выстраиваются полукругом в ожидании посетителей.

Рабочий день в ресторане «Курфюрстендам» в западной части Берлина начался. Здесь вся работа по обслуживанию посетителей доверена ученикам. Если вы предполагаете, что тут могут пролить на брюки клиента чай или подать расплывшееся масло, то напрасно: сервис на высшем уровне. Возможно, где-то в других местах официанта и приходится ждать целую вечность, а здесь к посетителю устремляется целая команда услужливых ребят.

«Курфюрстендам» — солидный отель с 40 номерами, продуманно обставленными, с кабельным ТВ, сейфами и мини-барами. Здесь обучают в первую очередь ребят из малообеспеченных семей, стипендия — 575 марок в месяц. Спустя год они уходят работать в другие отели, берут их всегда с охотой, потому что, как показывает опыт, подготовлены они качественно и всесторонне.

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: на ступенях католического собора в Доминиканской Республике девочки ждут своего первого в жизни причастия. Снимок американского фотокорреспондента Брюса ДЕЙЛА.

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 12 декабрь

Главный редактор А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 10.10.90. Подписано в печ. 02.11.90. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 2 975 000 экз. Цена 35 коп. Зак. 2224.
Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Ирак захватывает Кувейт — иракская армия подошла к границам Саудовской Аравии — ООН требует вывода иракских войск из Кувейта — Ирак игнорирует требование, он намерен силой добиться перераспределения доходов на нефтяном рынке — американский авианосец «Дуайт Эйзенхауэр» направляется к Персидскому заливу — в Саудовскую Аравию прибывают десантники — и снова транспортные самолеты поднимаются в небо: нужно еще и еще — очень много солдат — мировое сообщество заявляет о готовности оказать финансовую и военную помощь США — но Ирак по-прежнему отказывается покинуть Кувейт. Вот они — иракские солдаты, глядящие на нас сквозь проволочные заграждения; в страшном ожидании, пытающиеся расслабиться, американские десантники. Машина войны набирает обороты, пока она на холостом ходу, но уже разогрета, раскалена и вот-вот... Дождется ли эта девушка своего парня! Неужели безумная логика машины сильнее разума человека и его желания жить!

I

Воскресение

Николай МУРАВИН

Аргентинский писатель по имени Хорхе, большой веселый человек с черными усами, сидел за столиком в кафе Дома журналистов на Суворовском бульваре и говорил по-испански.

— Ты, наверное, знаешь, что партизанская война у нас продолжается,— переводил мне Рамон,— сейчас в Сальвадоре, Гватемале, Колумбии и Перу.

— «Светлый путь»?

Хорхе быстро заговорил, жестикулируя.

— Это не путь, а тупик,— перевел Рамон.— Это движение не может и не должно победить. Партизаны вообще уже не могут победить.

Хорхе имел право так сказать. Он был большой, веселый человек, переживший диктатуру, написавший несколько книг и объехавший Америку и пол-Европы. А я не мог ему поверить. Я тогда носил на куртке защитного цвета значок с портретом Че Гевары.

II

С Аугусто мы познакомились на «неформальной» московской квартире, где собиралась тогда веселая шумная русско-латиноамериканская компания, где играли гитары, постоянно царил экзотический беспорядок, а по стенам вместо ковров были развешаны бескомпромиссные революционные плакаты. Он был немного странный, поклонник поэта Сесара Вальехо; он почти без акцента говорил по-русски и дерзко спросил советскую девушку Галю, любит ли она соленые огурцы. Я притащил магнитофон, чтобы записывать латинскую супергруппу «Уайрапанканта». Аугусто с интересом наблюдал за их репетицией, он и сам играл и мог петь, только пел очень редко. Мы их записали. Но когда потенциальные звезды слегка охрипли, выпили кофе и отчалили к себе на Юго-Запад, я поставил кассету с записями нашей, советской группы «Воскресение»:

Кто виноват, что ты устал,
Что не нашел, что так искал.
Все потерял, о чем мечтал.
Поднялся в небо и упал.
И чья вина, что день за днем
Уходит жизнь чужим путем...

— Никогда не слышал такого,— сказал он, когда вновь повисла ночная тишина,— никогда. Это как Вальехо. Не знал, что в Союзе есть такие песни.

Тишина. Только шумела вдали улица Горького да капала из крана вода в немытые тарелки. Ветер за окном раскачивал уличный фонарь, и в неверном свете, казалось, ожил на плакате Че.

III

Никто из нас, советских, естественно, не был там, мы представляли их Америку по-разному. Нас влекли стихи, книги. Фильмы про Чили заводили нас. И была — наверное, для многих главное — музыка. Плач ветра в тростниках горных озер. Раскаты подземного грома. Тоска и смех гитар между солнцем и камнем, между льдом и вулканами, между сельвой и степью.

Этой музыкой владели люди оттуда, они создавали ее на наших глазах. У них была радость жизни. И они приносили с собой частицу живой, незабальзамированной революции, заряд не вполне понятной нам и потому притягивающей энергии — но и запах раскаленного металла, запах тлеющей одежды, запах смерти, стреляющей в живот или в затылок.

А мы тогда не умели их понимать,
Мы хотели помочь революции.

IV

Весельчак Карлос, прежде чем попасть в Союз, успел проучиться несколько лет в Перу в университете Сан-Маркос.

— Пишу как-то на стене «Смерть Пиночету». Знаешь, стараюсь, большими такими буквами, красным по белому, очень красиво получается. Вдруг оглядываюсь — ба, фараоны! Медленно подходят, гады, знают, деться мне некуда. Но я быстро дописал: «Смерть Пиночету, когда он будет очень-очень старый».

— И что?

— Ничего. Отпустили. Так, пару раз дубинкой.

— А дубинки у них какие?

— Обычные. Да что здесь, что там — дубинки везде одинаковые. А полицейских этих я запомнил, одного потом убили «сендеро».

Мне нравилось приходить к ним вечерами после работы, пить из граненых стаканов крепкий горячий чай, всегда с сахаром, но часто без хлеба. У моих сверстников были свои компании, в одних пили портвейн, в других — чинзано, а мне не нужно было это. Я пьянел от рассказов и песен.

— У нас дома много фашистов,— рассказывал Рикардо, красивый индеец с большими грустными глазами.— Однажды мы проводили на шахте профсоюзное собрание. И пришли они, партизаны. Грязные, увешанные оружием. Нас — президиум — вывели во двор и поставили к стене. Или пугали, или вправду собирались расстрелять, но передумали. Вернули на прежнее место и спросили разрешения выступить.

— Слово им предоставили?

— О да. Без регламента. Но они, из сьерры, вообще очень мало говорят, чаще стреляют. Народу, сказали, угрожают два пса. Один дряхлый, но опасный — империализм США, другой молодой и еще опаснее — советский империализм. После ушли, никого не убили.

Я хотел спросить, что чувствуешь, стоя под автоматом, но не стал. Наверное, все равно не понять.

V

То ли в самом конце ноября, то ли в начале декабря, когда над Москвой, сменив короткие холода, восторжествовала серая оттепель, и сугробы, промокнув, осунулись за одну ночь, случился воскресник на стройке кинотеатра «Ханой». Среди нас было много латинов и несколько советских, работали в фонд Коммунистической молодежи Перу. Работа досталась творческая — выгребать разнообразный мусор из углов зябкого лабиринта этажей и коридоров. Через пятнадцать минут мы согрелись, через полчаса стало жарко, через час я вдруг осознал, что понимаю испанский и даже говорю. Мы вместе ругали хрупкие совковые лопаты, ворочали кирпичные глыбы, таскали тяжеленные носилки, и меня охватывало странное, фантастическое чувство — человек больше не один, никто из нас больше не одинок, айсберг вечного одиночества растает в этом теплом море.

По окончании в будущем фойе состоялся митинг. В речи их молодежного вождя я разобрал только отдельные слова, гулко отраженные бетонными перекрытиями: «имперализмо...», «фасисмо...», «партидо коммуниста...». Потом скандировали лозунги, один начал, все ритуально подхватывали, а мне вспомнилось, как суетился перед совсем другим мероприятием мужчина в галстуке, комсомольский лидер, повторяя: «Группа скандирования рассаживается здесь». Группа скандирования... Кто кого пародирует, подумал я, мы их или они нас?

На рахитичном автобусе добрались до метро, станция за станцией скользили в стекле. Они вышли, а я остался. Когда я выбрался наверх на другом конце столицы, уже стемнело. Исчезло теплое море. На месте были больная зима и усталый город.

Сохранилась фотография. Лица, лица, лица... Все улыбаются. Я многих не знаю на ней, а кого знаю, не увижу больше.

VI

Шли месяцы. Ничего не менялось ни в Чили, ни в Перу, ни в СССР, революция как-то не спешила. Но мы жили, мы действовали, и это главное. Мы, советские мальчики и девочки, с яслей приученные — кто больше, кто меньше — поступать, как положено, как принято, разрешено государством в его бесчисленных — от родителей и учителей до милиции — воплощениях, поняли, что сами что-то можем. Да, сами, в инстанциях не советуясь и разрешения не спрашивая. Значит, не винтики. Мы действовали. Правда, бомбы не бросали и даже петь не могли — пели латины,— но мы организовывали им концерты. В основном — в школах.

И когда они стояли на сцене актового зала, привыкшего к кумачовому убранству и правильным холодным речам, нездешние, смуглые в ярких пончо, и барабан задавал ритм, руки касались струн, и музыка стремительной рекой катилась вниз, захватывая ряды, мы ощущали восторг жизни. Здесь были наша Санта-Клара, наш Леон.

И пионеры с октябрятами слушали, раскрыв рты, про чудные страны, про невиданных зверей («Вот, корпус инструмента «чаранго» сделан из панциря броненосца. Да, можно потрогать»), про нещадно эксплуатируемые и хищнически уничтожаемые природные богатства, что происходит при попустительстве марионеточных правительств, про несчастное население, настолько задавленное гнетом, что забастовщиков могут избить полиция или фашисты — если, конечно, те не догадаются вооружиться.

Но при всей своей сегодняшней иронии я помню, как дети слушали. Как взрывались фейерверки аплодисментов, как каждый такой взрыв расшатывал мистическую, вечную стену, отделявшую от живого мира Территорию Инструкций, и это было здорово. А для кого-то, может быть, действительно революция.

VII

Боливийца все звали по-детски ласково — Джимми. И в самом деле, был он очень молод, худой, хрупкий на вид парнишка. Но позже выяснилось, что Джимми — его полное имя, записанное в паспорте (вообще латиноамериканские имена есть потрясающие, я встречал эквадорцев, которых родители-коммунисты окрестили Лениным и Горьким). Он приехал учиться, а его исключили. Он считал — несправедливо. Но, не являясь студентом, он не мог оставаться в Союзе, а ехать ему было некуда. В Боливии — отец, старый шахтер, чуть не молившийся на сына, отправлявшегося в светлое социалистическое завтра, маленькие братья и сестры, безработица, голод. «Не могу туда так вернуться,— сказал Джимми.— Лучше смерть».

Он жил в Москве нелегально, скрываясь в дебрях общаг, играл в ансамбле, пока ансамбль не распался, потом играл один и сочинял песни про горы, солнце, море и любовь. И его любила советская женщина, хозяйка нашей «конспиративной» квартиры, много пережившая на своем тридцатилетнем веку, видавшая и исторический разгром китайского посольства, и бейрутскую бойню, и многое другое, о чем она не рассказывала. Она вырвалась обратно в Союз и здесь не нашла ничего лучшего, как влюбиться.

Джимми поселился у нее. Он всегда был немного мрачен, но особого напряжения в нем не ощущалось. Мне было удивительно, как может человек, находясь в подвешенном состоянии, не имея никаких прав, постоянно ожидая ареста и высылки, еще и петь.

Джимми надеялся на восстановление.

А пока жил и сочинял песни.

VIII

Зимней ночью мы с Аугусто говорили о том, что такое гражданская война. Предыдущим днем был какой-то праздник, отмечали по-латиноамерикански бурно, с играми, дикими песнями под грохот всех наличных инструментов, танцами, от которых женщины были в восторге, неизбежным битьем посуды. Почувствовав себя как в эпицентре бразильского карнавала, я укрылся в углу и принялся пассивно жалеть советских соседей — а для участия в веселье не хватало темперамента. Впрочем, амигос не забыли меня, каждый счел долгом подойти и чокнуться за нечто глобальное и возвышенное. Приходилось пить.

Очнулся на кухне. Музыка исчезла, свет был погашен, горела только туск-

лая лампа над столом, за которым сидел Аугусто.

Я спросил, где народ. Он сказал, что одни уехали, другие оккупировали всевозможные лежбища и отключились.

— Там еще есть место на полу. Хочешь спать, иди.

Мне спать не хотелось.

Закипел чайник. Обжигаясь, мы выпили по стакану. Аугусто был пьян и суров.

— Не верь,— сказал он.

— Что?

— Не верь,— повторил он.— Ты слушаешь Рикардо, все вы слушаете Рикардо, слушаете этих чиновников, а ты вырос здесь, где все так... Ты привык верить всему, что говорят.

Он не дал мне возразить.

— Тебе говорят: фашисты. Но они не говорят про себя. Они же сами давно ничего не делают, только твердят: парламент, выборы, выборы, парламент... А цены растут. А военные пытают. Дети в трущобах пухнут от голода. Девочки в десять лет — десять лет, представь — уже проститутки! Я понимаю ребят, которые ушли в сьерру. Они не могли больше видеть глаза голодных детей.

А на днях мне показывали журнал оттуда, с очень яркими, красочными фотографиями: крестьяне, расстрелянные партизанами, и другая — партизан схвачен крестьянским отрядом самообороны; совсем мальчик, на шее — веревочная петля.

— Они победят? — спросил я.

— Победят? Не знаю. В горы пришли каратели, заставляют людей показывать тропы, но окружить партизан непросто, они возвращаются ночью... Много крови. Они одни. Раньше был Мао, была Россия. Очень верили вам...

Он долго говорил про инков, конкисту, страшные и безнадежные индейские восстания, про зарю свободы, про Чили, Бразилию и Кубу, говорил яростно, с хрипом, сбиваясь на испанский и кечуа, переводя дыхание в коротких паузах,— и становилось слышно, как завывает вьюга вдоль вымерших улиц, словно в трубе гигантской печи.

— Их убивают, они должны убивать в ответ.

В сияющем ореоле смотрел на нас сверху вниз со стены фантастически красивый, внеземной Команданте. «Святой Эрнесто»,— подумал я.

Под утро буря утихла. Погасли фонари, занялся серый рассвет. Мы смотрели на кружение снежных хлопьев и снова слушали «Воскресение».

— Сколько сейчас времени там?

— Сейчас там вечер,— сказал Аугусто.

IX

Наступил май. Белый лист на черной двери квартиры оказался запиской, адресованной не мне — ей. С дикими ошибками, буквы кривые, но по-русски: «За мной пришли...» Я стоял с этим листком в руках, до меня не сразу дошло, и тут приехал лифт, и на площадку вышла она.

Дальнейшее плохо помню. Мы куда-то бежали, бежали по улице, где спускался романтический майский вечер, она плакала, в отделении милиции на нее орали. Потом вернулись в квартиру, явилась девушка Галя, и они вдвоем принялись звонить по разным телефонам, и там, куда удавалось пробиться сквозь стену гудков, ответ был один: не поступал, информации не даем. Девять часов, десять, одиннадцать. В полночь пришло отчаяние.

И она кричала, что Джимми никому, никому не делал зла, твердила, захлебываясь рыданиями, что любит его, а он никому не мешал, кроме этих. А потом затихла, но, всхлипывая, цедила сквозь зубы страшные кровавые проклятия. Я не мог этого слышать и ушел. Успокаивала ее Галя.

Чили, думал я, это как Чили, человек пропал — взяли, и конец. Информации не даем. Как в черной дыре. Чили. Другие параллели, более близкие, тогда не пришли мне в голову — многого еще не знал.

Но у этой истории финал не трагичен. Разумеется, Джимми нашелся там, где должен был найтись, его не били и не пытали, просто подержали чуть-чуть в общей камере и выслали не в Боливию, а в Швецию — обнаружились там друзья, латины, готовые принять его. В аэропорт я опоздал, увидел только Джиммину спину возле таможни, далеко за запретной чертой. По эту сторону барьера остались и ребята в штатском, проконвоировавшие преступника, как того требуют инструкции, до самой госграницы. Несчастная женщина что-то заискивающе лепетала, они снисходительно улыбались, и на сытых лицах сияло сознание честно выполненного долга. Перед Родиной, наверное.

X

Мы шли вдоль бесконечного пыльного шоссе, проезжающие автомобили чихали в нас голубой гарью. Было жарко.

— Куда тебя пошлют в армии? — спросил Аугусто.

Я не знал, знал только номер команды, так и ответил: может, в Казахстан, а может, и в Афган.

— В Афганистан я бы поехал,— серьезно сказал Аугусто.

Я понял. Он был старше меня. Он страшно устал. Он видел уже два мира, таких разных, но ни в одном не нашлось того, что нужно было ему. Я считал, что горячие пули, горячая кровь, священная война за большое дело могут вернуть в этот мир счастье. Он, наверное, тоже. Он бы поехал туда. Только на чьей стороне сражаться, я не спросил. Это казалось естественным.

XI

Я ушел в армию.

Потом вернулся.

Когда поезд медленно подползал к вокзалу, мы, прилипнув к стеклам, старались уловить: что изменилось в Москве? И ничего нового не обнаружили, кроме боевой надписи: «Бей люберов!» Позже разобрались: изменилось время.

А Аугусто уехал, не простившись. Просто мне позвонили и сообщили, что все, его уже нет. И не нужно бессонницы, красных глаз, горького вина, бесполезных слов, тонущих в вязком прокуренном воздухе. Может быть, так лучше. Но я многого не успел ему сказать. Ведь я искал ответ.

Кровь за кровь. Удар за удар, пытка за пытку, пуля за пулю. Право у силы, и сильнее — лишь оружие в руках угнетенных. И они уничтожают вампиров и будут справедливы, потому что помнят, как сами были слабы. Все предельно ясно. Так говорил ты и другие парни, заброшенные в Союз с разных фронтов планеты. Так, наверное, думал Че, не сумевший пройти до конца мучительный путь своей революции и посмертно объявленный Героическим Партизаном. Но то же самое нам очень убедительно доказывали два года подряд каждым днем солдатской жизни, и некоторые из нас уже готовы были стрелять. Часто так говорили и после. Сначала я соглашался, затем стал спорить. И ответ возник, но придумал его вовсе не я, а рабочие Польши и студенты Праги. А я всего-навсего не успел рассказать про это Аугусто. Впрочем, он сам наверняка узнал и мог прийти к тем же выводам.

Но уехал не простившись.

Идут месяцы. Вот уже давно и в Чили — не Пиночет, и в Румынии — не Чаушеску. Газеты наперебой пишут о торжестве демократий и очередных переговорах, про новые демобилизации и сокращения, и лишь изредка в телетайпных колонках возникают другие телеграммы. Они коротки и сухи: взрыв, покушение, наступление, облава, ответный удар, количество жертв. И я вспоминаю тех ребят и думаю: в чем различие? Мы с ними так похожи, но почему они не могут понять то, что поняли мы, почему продолжают войну, обреченную на поражение?

Аугусто уехал не простившись.

А мелодия осталась
Ветерком в листве,
Среди людского шума
Еле уловима...

---

[1] *«Светлый путь» в переводе с испанского «Сендеро Люминозо» — название левоэкстремистской коммунистической организации, ведущей партизанскую войну в Перу.— Прим. ред.*

ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ

В. СИМОНОВ. Фото автора

Я познакомился с ним в Киеве, на ВДНХ, где в то время — в Дни культуры Великобритании в СССР — стояла передвижная студия Би-би-си. Я пришел на британскую промышленную выставку и увидел этот стеклянный, насквозь просматриваемый, как аквариум, аккуратный домик: на магнитофонах крутились катушки, за пультами сидели люди в наушниках, а из колонок снаружи звучала какая-то эмигрантская русская песня.

Студию окружала оградка из металлических трубок, вдоль которой шли на выставку посетители, разглядывая обитателей аквариума. «Скажите, Сева приехал? — Мое ротозейство прервал вопрос двух запыхавшихся мальчишек, возникших за спиной.— Мы его обогнали! Мы — на такси. Он из гостиницы вперед нас уехал! Значит, вот-вот будет!»

И действительно, в этот момент в 10 метрах от нас возник седовласый мужчина, весь в черном, рядом шла черноволосая женщина в белых брюках и белой блузке, вокруг них крутилась стайка подростков. «Смотри, какие у него ботинки»,— зашептались мальчишки.

В сторону студии, прогуливаясь, шел знаменитый ведущий музыкальной программы Би-би-си «Севаоборот» Сева Новгородцев с супругой.

— Сева! Сева!

— Сева, как хорошо, что ты приехал! — Мальчишки преданно заглядывали ему в глаза.

Прежде я никогда его не видел, но в «Ровеснике» в 1982 году был материал о нем: о Севе рассказывала его мама, живущая в Ленинграде. «Сева прочел и очень расстроился»,— сказала мне Татьяна Берг, сотрудница русской службы Би-би-си, с которой я уже успел познакомиться. Она и представила меня Всеволоду Борисовичу Новгородцеву.

Мою просьбу об интервью Всеволод Борисович принял без настороженности, казалось, вообще без каких-либо эмоций.

Едва мы условились, его окружили поклонники, и он продолжил общение в той же расслабленной, по-королевски вежливой и снисходительной манере. Публика порциями просачивалась через милицейский пост у входа на выставку и наталкивалась на запруду поклонников Севы. Кто это? Сева Новгородцев! Кто это? И тут же его проглотила толпа.

Вал за валом посетители перекатывались через Севу — он, будто индеец в Диснейленде, безропотно, с невозмутимой улыбкой, не замечая чужих рук на плече, позировал перед фотоаппаратами и раздавал аккуратненькие автографы. Из-за стойки с газировкой выбежала продавщица в белом халате и тоже попросила фотографию с автографом.

Пульсируя по разгороженной забор-

чиками артерии, сменялись посетители, унося с собой автографы, но мальчишки, примчавшиеся на такси, и еще несколько десятков подростков, как ракушки к кораблю, прилипли к Севе. Они приехали из разных городов, устроились кто где — у приятеля, в общежитии или просто на вокзале,— приехали ради него, быть рядом, слышать, видеть его. Эти самоотверженные люди — фэны из Всесоюзного фэн-клуба почитателей Севы Новгородцева «Норис».

На следующее утро мы встретились в вестибюле отеля «Русь», вышли на улицу, где, конечно, уже топтались поклонники.

— Здравствуй, Сева! А нас швейцар в гостиницу не пустил.

Мы сели напротив солнца на лавочке у фонтана, фэны расселись поодаль на траве; жена Всеволода Борисовича (Карина Арчибальдовна, как он в шутку ее называет) достала из сумки толстую тетрадь, приготовила авторучку, диктофон.

— Я живу за границей 15 лет, живу в английской семье, жена — англичанка, я в достаточной степени англизированный человек... Хотя, конечно, первые 35 лет жизни в СССР не только не зачеркнуты, но еще и разрослись в нечто новое, так как в Англии вместо того, чтобы стать второразрядным англичанином, я стал перворазрядным русским: я работаю в русскоязычной среде, мой русский даже улучшился, расширилась эрудиция, я много подчитал и многое понял. А ностальгия, о которой принято говорить в подобных случаях... Если вернуться к начальному смыслу слова — это боль по возвращению. Она не обязательно географическая.

— Поиски утраченного детства?

— Ну, какого-то лучшего периода жизни. Люди, которых я здесь встречаю, слушавшие мои передачи в течение 10 лет, тоже занимаются ностальгией, они ищут себя 10-летней давности, снова переживают те моменты, которые провели у приемников.

Я это вижу очень просто: жизнь человека можно представить как процесс между ранним и поздним фруктом. В мае созревает одно, а в августе — другое. В разные периоды жизни мы переживаем и ощущаем разное. Таков план природы, так уж мы созданы. И в этом мудрость, которую, может быть, не надо особо пытаться постигнуть, потому что всего не поймешь.

— Как вы тогда определите для себя смысл жизни?

— Если вы живете во Франции или Италии, о смысле жизни задумываться не нужно, там нужно уметь жить и радоваться жизни. Я не говорю об Англии, потому что там искусства радоваться жизни не существует. Что же касается смысла жизни, для человека — это постижение божественного начала. Кто-то реализует себя в религии, кто-то через поиски в искусстве, кто-то в чем-то еще. Бог по своей сути бесконечен, поэтому и творения его бесконечны, и нам его в свои человеческие рамки вставлять... Мы, собственно, не должны этого делать.

— Смысл жизни не постичь, пользуясь человеческими категориями?

— Именно.

— К вам на студию приходит много писем от советских радиослушателей. С годами письма меняются?

— Раньше написать письмо на Би-би-си было дерзким актом, актом протеста. Здесь, в Киеве, я встретил нескольких человек, которые в свое время пострадали от властей за написание писем. Все это уже в прошлом: элемент риска исчез, теперь пишет более широкая аудитория, и удельный вес каждого письма не такой тяжелый, как прежде. Но достаточно хороших писем, чтобы программа оставалась интересной.

— Может быть, запомнились какие-то письма?

— Было бы несправедливо выделять: пришлось бы назвать человек 150—200.

— На что обращаете внимание в письмах?

— Мне нравится всякая свежая мысль. Она по любому поводу может быть высказана... Вот кто-то прислал мне удивительно поэтический отчет о концерте «Пинк Флойд» в СССР. Я даже подумал: мне так никогда не написать. Там такой эмоциональный всплеск! Я письмо отложил: может быть, сделаю передачу в годовщину того концерта, зачитаю письмо, смонтирую его с музыкой, и получится этакая поэма в прозе.

— Да, я тоже был на том концерте. А вот концерты Гилана из «Дип Перпл» прошли незаметно. Почему, как вы думаете?

— Часто говорят о разнице между радио и телевидением. В Англии есть снобы, которые телевидение вообще не смотрят, потому что в нем тайны нет. В радио есть элемент невидимости, нечто, что воображение дорисовывает. И вот прежний Гилан был звуком и жил в воображении, но с того момента, как его увидели, он перешел в телеразряд, и потому теперь его легче забыть. То же самое произойдет и со мной после нескольких поездок в Союз. Я иду на это вполне сознательно.

— Как вы относитесь к своим поклонникам?

— До вчерашнего дня я не знал бы, что ответить на ваш вопрос, но вчера, проведя целый день в их плотном окружении, разговаривая с ними... Разговор шел почти на семейном уровне — это когда люди знают друг о друге много, почти все, но тем не менее разговаривать интересно — очень семейное было ощущение. А заочно я тихо их люблю — ну не так чтобы ЛЮБЛЮ! ЛЮБЛЮ! — но люблю. Иначе я не занимался бы всем этим на таком интенсивном уровне. Тот скромный успех, который сейчас выпал на мою долю,— это возврат тех энергетических и нервных усилий, заложенных в мои передачи. Ведь они нелегко мне даются. Приходится себя терзать и мучить, пока не получится то, что хотел. И задаешься вопросом — поскольку у меня нет ни редактора, ни цензора, и я сижу и пишу все сам, и могу написать плохо или хорошо, быстро или медленно, и с меня никто не спросит, и вообще я могу гонять одну музыку полчаса — но что-то все эти годы толкало меня? Нет, я не хочу сказать: вот такой я хороший и душевный, но какая-то сила все-таки заставляла меня мучиться, требовать: плохо, давай садись переписывай. Я могу это объяснить только... ну, не знаю, какими-то теплыми чувствами к аудитории.

— Вы внештатный сотрудник Би-би-си, что это означает?

— У меня с Би-би-си контракт на год, за который я делаю для них 52 «Севаоборота» и 52 рок-программы. На службу не хожу, пишу дома. Если мне надо в отпуск, я уезжаю, предупредив их, что не живьем буду в студии, а будут пленки. Мне помогает жена, она — продюсер моих рок-передач. Мы сами организуем свои записи, звоним из дома в управление студиями и говорим: на такой-то день нам нужна студия. Все это — положительная сторона. Отрицательная сторона в том, что нет уверенности в завтрашнем дне: у меня нет права на пенсионный фонд Би-би-си.

— Если бы вы были в штате, какие бы ограничения на вас накладывались?

— В смысле подготовки программы никаких. Просто я не смог бы заниматься другими делами. Дело в том, что я стараюсь частично сойти с орбиты Би-би-си: не быть только узким специалистом благодаря своему русскому происхождению, но хочется стать таким же ковбоем, как и все остальные, скакать на лошади и лошадей ловить — то есть жить независимо от русского языка. Полностью, конечно, это мне не удастся. Мы работаем в кино: у нас с супругой своя консультационная фирма, она актриса, я немножко снимаюсь.

— Завтра вам вести «Севаоборот» из Киева, есть ли трудности в подготовке передачи?

— Пока нет.

— Совсем?

— Видите ли, с одной стороны, я готовлю материал, а с другой стороны — нет. Я все еще хожу и принюхиваюсь. А решительный удар наношу в самый последний момент.

— И так всегда?

— Да, все вступления к «Севаобороту», все эти шутки пишутся в последние 10 минут, на страшном нерве, на вспышке адреналина. Рядом со мной в динамике звучит запись прошлой передачи, участники команды и гость программы говорят, как правило, громко, прерывают меня, режиссер обращается ко мне через наушники. И в этот момент чудовищной концен-

трации я выписываю что-то скоростными, страшными каракулями на листке бумаги.

— Чувствуете страх?

— Страх есть, и он должен быть. Существует правило: артист должен быть голодным, поэт несчастным, а радиовещатель, если выходит в живой эфир, испытывать страх. Иначе ничего не получится. Я заготавливаю рыбу, вернее, вбираю в себя вату, как я ее называю, а плести из нее будем в последний момент.

— Всегда ли музыка, которую вы даете, вам лично нравится?

— Большей частью нет. Вкусов на работе я себе не позволяю. Нравится? Нравится, но не стоит на этом зацикливаться.

— И вы стараетесь не навязывать свое мнение?

— Мнение, конечно, навязываю. Куда от этого денешься? Но не о музыке, а об отношении к жизни. Делаю это с чистой совестью: ведь радио всегда можно выключить.

— Все-таки какую музыку любите?

— Дома я играю на флейте под аккомпанемент пластинок, так называемых «минус 1», где записан весь оркестр, кроме солиста. Я играю старинную музыку: Баха, Вивальди.

— А джаз?

— Саксофона у меня сейчас нет, поэтому джаз я не играю. Но с супругой мы любим слушать довоенный джаз. Отец Кэрин был джазовым трубачом, играл в оркестре, как у Глена Миллера. Вот такую наивную музыку мы слушаем, потому что в ней есть стилистическая чистота, нет никаких претензий, абсолютная честность.

— Может ли музыка воспитывать?

— Музыка — искусство мистическое, бессловесное. Если она что и воспитывает, то словами это не выразить.

— В чем выражается мистика?

— А она невыразима. Есть вещи, которые словами лучше не называть. Наша современная советская культура очень вербальна, все у нас в слова переводится, а это плохо. Есть вещи, которые нужно просто ощущать и молча приобщаться.

— Музыка — отдушина для внутреннего «я» человека?

— Ну можно так сказать, но лучше вообще не говорить на эту тему.

— Если «Севаоборот» утратит популярность, чем будете заниматься?

— С работой у меня нет проблем.

— Но вы сказали, что и вас, как Гилана, могут забыть...

— Естественно забудут. Я сравниваю свою работу с работой повара во французском ресторане: съели, сказали «вкусно» и забыли. В этом суть радио. Я морально вполне подготовлен... А на самом-то деле энергия сохраняется. Сказанное сохраняется в памяти, память же — понятие нематериальное, никто не знает, что это такое. Тем не менее ею движутся мировые колоссы, человеческое сознание меняет государственный строй, и вообще судьбы наши... Если что-то из сказанного мной отложилось у кого-то в памяти, кому-то помогло, значит, я работал не зря.

— Что пожелаете читателям «Ровесника»?

— Хочу сказать, что на них — надежда, на будущее. Мы все, поколение за поколением, освобождаемся от идеологизированного мышления, от шор, от искаженного взгляда на вещи. Им нужно отказываться от сказочности общественного сознания, от категоричности суждений, принимать и любить жизнь такой, как она есть, думать самостоятельно (а то у нас в обычае все идеи получать сверху), уважать себя и через это уважать других.

Мы тепло попрощались, Всеволод Борисович пригласил меня на «Севаоборот», назначенный на следующий вечер, и присоединился к поклонникам. Пока они любезничали и фотографировались, я проверил запись. Записалось отлично: и шум фонтана, и гул пролетевшего самолета, и вкрадчивый голос Севы.

Не могу сказать, что стал еще одним поклонником Севы Новгородцева, но мне нравится его вежливость, чувство такта. Мне не удалось обнаружить в нем ни экстремизма, ни злости, напротив — в бывшем опасном идеологическом противнике я увидел обыкновенного мирного человека, занятого поисками равновесия в себе самом, возможно, конформиста. Его свободомыслие? Оно не зовет на баррикады — всего лишь стремление думать самостоятельно. Возможно, это просто индивидуализм. Он не борец и не мученик, не пророк и не философ, и все-таки к нему как к духовному наставнику из разных городов съехались верные ученики, его фэны. Почему?

Я думал об этом, когда поздним вечером в субботу шел по гулким пустым площадям ВДНХ, где курсировала белая патрульная «Нива» милиции, накрапывал дождь. Вокруг светящегося аквариума толпились фэны, в колонках звучал урок английского языка, до передачи оставалось полтора часа. Все это время до эфира Сева ходил вдоль заборчика, разговаривал.

Дождь усиливался. Пять или шесть милиционеров поодаль подняли над собой зонтики. Над Севой поднял зонтик кто-то из фэнов. Мальчишки притащили с площадки у буфета огромный брезентовый зонт. Милиция не возражала. Кэрин вошла в студию, стряхнув на пороге воду с куртки. За стеклом люди двигали рычажки на пультах. Часы внутри показывали лондонское время 19.50. Значит, в Киеве — 22.50.

— Мне пора,— говорит Сева.— Сегодня будет полнейший хаос, но в этом и смысл.

В колонках — краткая сводка новостей. Сквозь стекло видно, как Сева надевает наушники, садится за столик, пишет, лицо вытянулось, сердитое... Позывные! Сева поднимает руку, растопырив рогаткой два пальца,— фэны орут как полоумные. Началось!

Я полон ожиданий. Один из приглашенных в студию авторов писем, в свое время пострадавших от властей, заявляет очень хорошо что его преследовали, теперь благодаря гонениям ему удалось получить статус политического беженца, визу, и он уезжает жить за границу. Второй путается в словах, третий вообще не знает, что сказать. По-видимому, авторская гвардия разочаровывает ведущего «Беседа мельчает на глазах,— говорит Сева,— лучше послушаем следующую группу»

Под аккомпанемент киевской группы «В В», под радостные вопли поклонников Сева Новгородцев выходит на дождь. Прямой эфир

«Всеволод Борисович, что вы почувствовали, снова ступив на советскую землю?» — «Опять дыбится шерсть».— «Нет ли желания по спутниковому телевидению вещать на Союз?» — «Скажут — выступлю и по телевидению».— «Как вы относитесь к Господу Богу?» — «В Бога верую, чего и вам желаю».— «Хотелось бы вам вещать на советском радио?» — «Совсем не хотелось бы».— «Полезно ли влияние шизофрении на музыку?» — «Всякий талант в крайней степени — шизофрения».— «О какой группе будет следующая передача?» — «Как мы можем знать о будущем, когда мы не можем знать, каким будет наше прошлое».— «Хотелось бы увидеть здесь ведущих английских музыкантов, таких, как Стинг и Эдди Саммерс?» — «Что ж, пожелание благое». — «Каким спортом занимаетесь?» — «Вообще я занимаюсь строительством квартиры».— «Болеете за сборную СССР или сборную Англии по футболу?» — «Я всегда говорю: вот наши приедут, они нашим покажут». И так далее. К Севе обращается анархист, Сева просит его изложить кредо, но тот запутывается и умолкает; Сева дает слово солисту киевской группы «Доктор Фауст» — тот тоже не блещет красноречием; в честь Севы зачитывается стишок — Сева благодарит.

Почти каждая его фраза, шутка, анекдот встречается хохотом, ревом, хлопками. Полнейший хаос, как и предвидел Сева, но какой в нем смысл? Вот он стоит перед ними, прежде существовавший только в звуке, в воображении, в изгнании. Говорит так же, как говорил все эти 15 лет. Он не агрессивен: «Наша цель — коммунизм, цель, как на артиллерийском полигоне»,— единственное антикоммунистическое высказывание за всю передачу. Но он говорит, оставаясь в своем обустроенном мире. Он — в стороне, он — там. Он нашел свою точку опоры в Англии: семья, работа, быт, минус 1... А здесь уже идет война, революция, драка.

Я возвращался в гостиницу, мок на пустой ночной дороге в ожидании такси. Поодаль на автобусной остановке столпились мальчишки-фэны, непонятно на что надеясь

АНАТОМИЯ ЧУДА

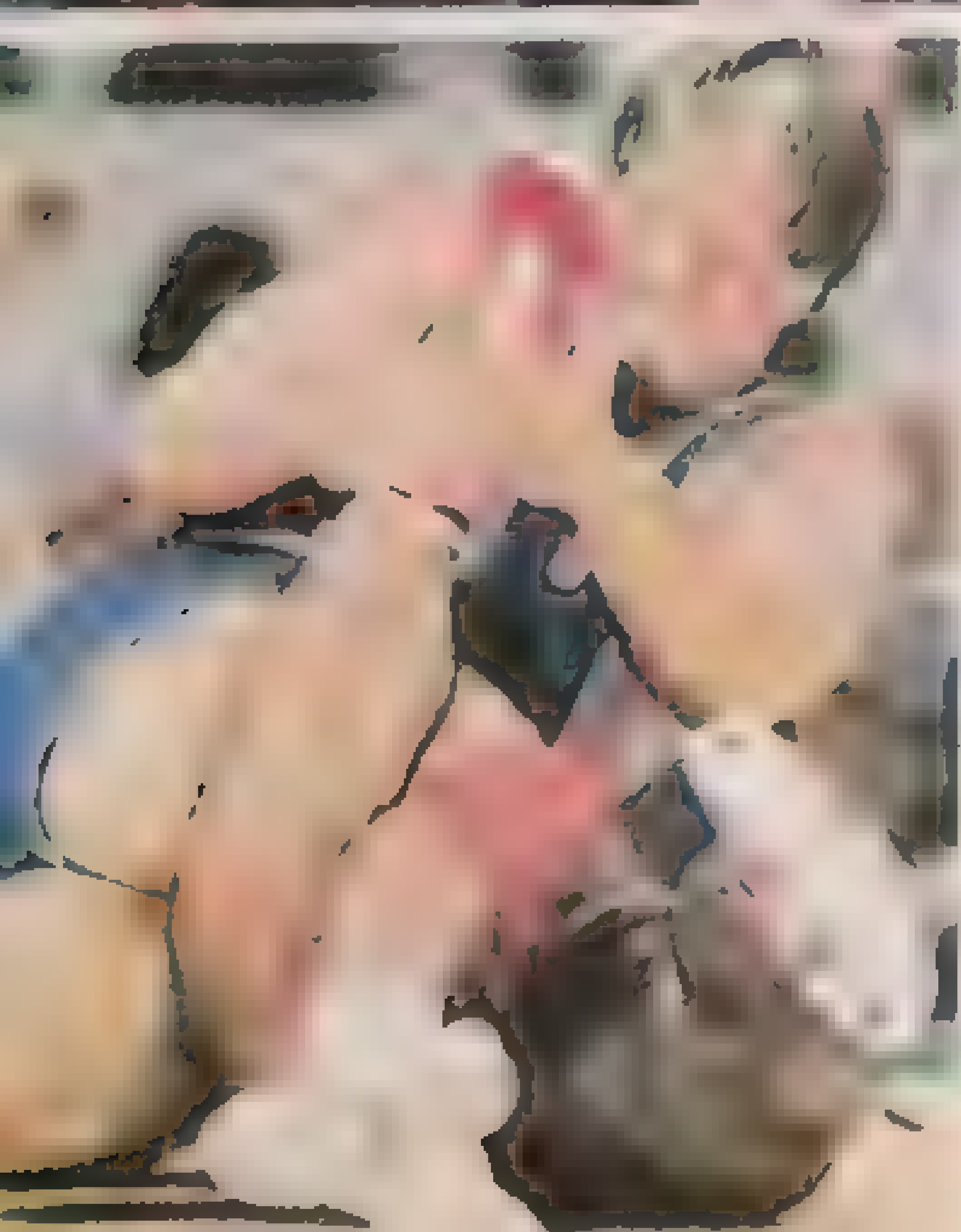
Алексей
ПОЛИКОВСКИЙ

Современный спорт пробуждает множество вопросов — вот некоторые из них. Когда тысячные толпы валят на стадион, чтобы посмотреть матч наших и канадских профессионалов, когда миллионы приникают к экранам телевизоров, желая заглянуть в лицо смельчаку, бросившему вызов самому Тайсону,— чего они, собственно говоря, хотят? Чего жаждут? Какая сила, какая надежда заставляет их (нас) жадно читать спортивные репортажи в газетах, выискивая в них упоминания о том, что Борис Беккер снова в своей лучшей форме, а левая нога Марадоны по-прежнему не зажила? Что нам до левой ноги аргентинца и проблем рыжего немца, который ездит на спортивном автомобиле и селится в номерах-люкс, в которые нам не светит заглянуть глазком? И, наконец, последний, решительный вопрос в упор зачем нам современный спорт — разъездной цирк-шапито, где каждый вечер на арене валят друг друга на ковер толстые пыхтящие борцы, а баскетболисты-каланчи без промаха ки-

дают в колечко оранжевый мячик?

На множество вопросов есть множество ответов, лежащих на поверхности. Спорт нужен нам, потому что нам нужны кумиры и герои, совершающие свои подвиги на наших глазах. Спорт нужен нам как место, куда мы можем уйти, устав от проблем жизни. Еще и для самоочищения нужен нам спорт (добавит любой психиатр): крича, топая и свистя на трибунах, мы разряжаем скопившуюся в душе агрессию. Но не только это. Мы идем на стадион, мы ждем вечера, когда на голубом экране телевизора побегут фигурки и запрыгает мяч — в наивной непреодолимой надежде стать свидетелями чуда.

Первое и главное, что преодолевают святые и спортсмены, совершая чудо,— это мир материи с его жесткими непреложными законами, которые, кажется, не дано обойти ни одному живому существу. Мы знаем о пределе возможностей, о том, что у каждого из нас он зависит от обмена веществ и скорости, с какой проходит сигнал по нервам. Но когда мы, дрожа от возбуждения, съезжаем на краешек кресла и неотрывным взглядом следим за спортсменом, готовящимся к прыжку или к поднятию тяжести, в душе нашей набухает уверенность, что человек силой воли способен разорвать ограничивающее его кольцо. Сопереживая спортсмену, с набухшими жилами и разинутым в крике ртом мучительно выталкивающему вверх двухсоткилограммовую штангу, мы жаждем не просто победы СССР над Болгарией, а чего-то большего, во имя чего штангисту стоит и потерпеть. Победы веры над физикой, духа над законом тяготения. Каратэист, ребром ла-



дони прорубающий стену, является общим героем и любимцем именно потому, что его поступок отвечает глубоко запрятанному в нас и часто не осознающемуся нами желанию пройти сквозь ограничивающие нас материальные и социальные стены

Борьба за то, чтобы выйти за пределы, которые, кажется, положены нам самой природой, ведется человечеством во всех областях его деятельности. Конструктор, вычерчивающий на листе ватмана ракету, и прыгун в высоту, раз за разом пытающийся преодолеть планку, поставленную на высоте двух с половиной метров,— солдаты одного сражения и одной армии, хотя различны их репутации в глазах людей и несхожи их натуры. В постоянно повторяющихся попытках прыгнуть дальше, полететь выше, поднять больше, нырнуть ниже (даже если они не приносят непосредственной пользы) выражает себя вечный инстинкт человека, который выжил потому, что усовершенствовал сам себя. В спорте, где люди тренируются по шесть-восемь часов в день, тратя недели и месяцы на то, чтобы отработать одно-единственное движение,— инстинкт самосовершенствования зачастую вытесняет все иные инстинкты, а страсть шагнуть за грань, проведенную природой, превращается в цель жизни, в манию, в навязчивую мечту. Плата высока — как всегда, когда речь идет о настоящих вещах. Американский легкоатлет Боб Бимон отдал годы на то, чтобы суметь прыгнуть так легко, как никто не прыгал: жизнь за прыжок! Это было в 1968 году, на Олимпийских играх в Мексике, где Бимон показал 8 метров 90 сантиметров. Необъяснимое достижение, прорыв в представлениях, чудо! Как это объяснить? Один из фантастов, пытаясь найти хоть какое-то объяснение, написал рассказ, в котором инопланетяне на несколько мгновений отключали земное тяготение, желая помочь Бобу Бимону прыгнуть так далеко, как никто никогда не прыгал ни до него, ни после (вот уже 22 года).

Второе, что на краткий миг преодолевается в чуде, совершающемся на футбольном поле, баскетбольной площадке или на боксерском ринге,— это расхожее понятие о времени, к которому мы привыкли в жизни. Мы склонны думать, что секунда или минута представляют собой жестко ограниченные монолиты, подобные эталонам веса в палате мер и весов; по три раза на дню мы восклицаем: «Ой, это я не успею!» и «Да вы что, тут часа мало, тут недели не хватит!» Говоря так, мы как бы подразумеваем, что время есть нечто внешнее для человека — как рубашка определенного размера, в которую кто-то

влезет, а кто-то нет. Но в спортивном состязании экстра-класса, в его критические минуты, поднимается на поверхность и кристаллизуется иная мысль, иное ощущение времени, владевшее, может быть, Эйнштейном, когда он думал над своей теорией. Это ощущение относительности времени, которое не является внешней, гнетущей человека силой, а представляет собой лишь меру наших усилий. Сосуд, который мы вольны наполнить и наполовину, и до краешка, и даже — если хватит силы воли — расширить его, раздвинуть его стены, чтобы он вместил вдвое больше наших движений, попыток, поступков.

Спорт, как и жизнь, наполнен борьбой со временем — в большинстве случаев неудачной борьбой. Сотням бегунов в тысячах забегов не хватает до победы секунды или доли секунды; десятки футбольных, хоккейных, баскетбольных, гандбольных команд, проигрывая, вступают в неуклюжее противоборство со временем. Чтобы побеждать в схватке с неуклонно тикающей стрелкой, надо быть профессионалом до мозга костей; чтобы суметь вместить в решающую секунду все необходимые движения, надо прежде пролить литры пота, отрабатывая эти движения день за днем и год за годом (югославский баскетболист Дражен Петрович ежедневно на тренировках бросает по кольцу две тысячи пятьсот раз). Но умения мало: когда человек оказывается на грани поражения, его спасает вера — вера в себя, в собственную способность совершить чудо.

В 1972 году баскетбольная сборная СССР совершила такое чудо, чудо преодоления времени. В финале мюнхенской Олимпиады, проигрывая американцам за три секунды до конца, наша сборная не потеряла ни надежды, ни спокойствия. Тренер Кондрашин, за три секунды до конца взявший минутный перерыв, собрал вокруг себя игроков и сказал им: «Что вы разволновались? Да за три секунды можно выиграть, проиграть и снова выиграть!» Ситуация казалась безнадежной — предстояло вводить мяч из-под своего кольца. Два игрока, Иван Едешко и Александр Белов, вместили в оставшиеся три тик-така ровно столько усилий, сколько было нужно для победы. Едешко послал мяч по высокой траектории через всю площадку, прямо в руки Белову. Белова стерегли два американца. Все трое мощно выпрыгнули вверх, Белов в прыжке сделал финт, отчего опекуны «отвалились» от него — и аккуратным, бережным движением ладоней положил мяч в кольцо.

Третье, что преодолевается в момент чуда, совершаемого спортсменом или командой,— это собственная слабость. Пример подобного преодоления дан нам в библейской истории о маленьком Давиде, победившем гиганта Голиафа. В подобном событии всегда есть нечто притягательное для болельщика и зрителя — и недаром в каждом из нас, когда мы сидим на трибунах, независимо от того, за кого мы болеем, живет симпатия к слабому и надежда на то, что он окажется молодцом. История спорта наполнена фамилиями людей и названиями команд, которые капитулировали до игры, проиграли, еще не вступив в единоборство, просто потому, что внутренне согласились с тем, что соперник сильнее их. Эти фамилии и эти названия команд бесславно похоронены в низах турнирных таблиц, в сборниках спортивной статистики — статисты, мальчики для битья, гераклы с обросшими мускулами руками, ногами и плечами, у которых оказалась чересчур расчетливая душа. Для победы над собственной слабостью необходимо самозабвение.

Чудо слабости, одолевающей силу, составляет, может быть, то главное, для чего вообще нужен нам спорт. Ибо кто из нас не бывал в ситуациях, когда кажется, что «никаких сил не хватит», «борьба безнадежна» и «лбом стену не прошибешь»? Подобные ситуации и положения, при всем их трагизме и драматизме, есть часть жизни всякого человека — а не одних чемпионов по боксу и рекордсменов по бегу. Но именно чемпионы и рекордсмены, на которых направлены камеры телевидения и глаза спортивных репортеров, способны, преодолевая свою слабость, создавать поступки-символы, нужные и важные и для всего человечества. Именно в такие моменты эти люди, годы напролет занимавшиеся метанием молота или выполнением поворотов на бревне, поднимаются над собой и входят в область духа. Чем могут помочь мускулы, если у противника они сильнее? Тут опора на что-то иное. На крепость характера? На веру, стимулирующую организм почище адреналина? Американская студенческая хоккейная команда, в решающем матче Олимпиады 1980 года проигрывавшая нашим мощным и опытным профессионалам 1 : 3, но победившая 4 : 3 (победившая, несмотря на то, что играла в две пары защитников против наших полноценных четырех),— совершила подобное чудо. Никаких дальнейших успехов большая часть игроков этой команды не достигла — для этого они недостаточно хорошо умели играть в хоккей. Они выразили себя в шестьдесят минут матча и больше никогда не повторили ничего подобного. Чудо неповторимо. И каждый, кто в тот вечер сидел у телеэкрана и видел, как более слабая команда, упорно взвинчивая темп, навязывала свою волю более сильной, не мог избавиться от ощущения, что на его глазах совершается необыкновенное и прекрасное событие. Тут не важно было, кто за кого болеет. Чудо, которое совершают спортсмены, не принадлежит ни им лично, ни их клубу, ни их стране — подобно подвигам античных героев оно входит в общую память человечества

Каждое воскресенье Бразилия задается одним и тем же вопросом: как же распорядится он своим свободным временем сегодня?

И усаживаются миллионы бразильцев перед экраном своих телевизоров, чтобы посмотреть, как будет «работать над собой» их новый президент, 40-летний Фернандо Коллор де Мелло, возведший в почти религиозный культ мускулы, силу и скорость.

Вот он «вспарывает» морскую гладь на своем скутере, а вот он бегает трусцой на палубе авианосца, энергично гребет, сидя в байдарке, а теперь он уже играет в волейбол, с бешеной скоростью мчится на высококлассном японском мотоцикле, парит в сверхлегком хрупком самолетике над городом-столицей Бразилиа

Говорят, что врачи всечасно пребывают в полной боевой готовности, чтобы прийти на помощь президенту, если, не дай Бог, спорт для него обернется бедой.

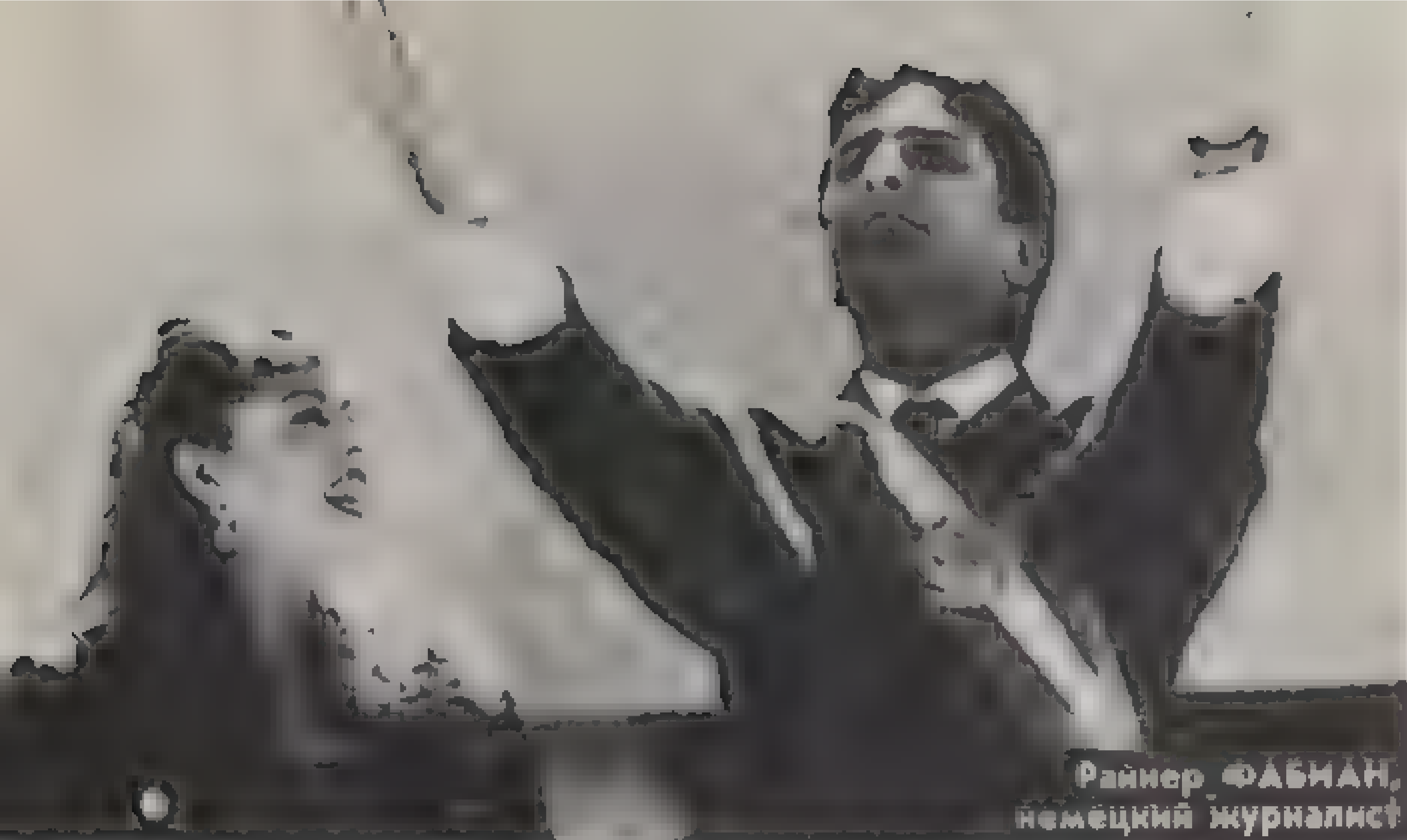
Прежде чем президент включился в тренировку национальной сборной Бразилии по футболу, тренер Себастьяно Лазарони предупредил игроков: «Из уважения к президенту я создам такую ситуацию, в которой у него появится шанс забить одиннадцатиметровый». Так оно и случилось. Коллор вышел, ударил по мячу, и, несмотря на усилия бросившегося навстречу вратаря, мяч оказался в сетке

Даже самая маленькая деталь спортивных достижений президента не должна быть сокрыта от народа. Так, например, все узнали, что в футбольной команде президент выступает под номером 20, потому что это его счастливое число. Или вот следующий рекорд в его спортивной карьере размер обуви президента —43,5, а это означает, как отметила авторитетная бразильская газета «Жорнал ду Бразил», что у президента самая большая нога во всей национальной сборной по футболу.

И уж вовсю развернулось бразильское телевидение, работая над имиджем президента, когда он в захватывающем полете на боевом самолете F-5 перешел звуковой барьер. В течение 20 минут президент сам был за штурвалом, упражнялся в авиационной акробатике, за что получил приветственное послание от командующего ВВС страны, и успел с помощью автоспуска сфотографировать сам себя «на память» для национального семейного альбома.

«Наш президент,— сказал после полета командир эскадрильи,— прирожденный летчик-истребитель».

Вместе с Коллором де Мелло в Латинскую Америку торжественно вошел «электронный популизм». Президент держит в напряжении огромную страну, и не проходит и дня без его моноспектакля под ураганом вспышек фоторепортеров.



Райнер ФАБМАН, немецкий журналист

КОГДА ПРЕЗИДЕНТ МОЛОД И КРАСИВ

Гениальную способность производить впечатление на массы президент обнаружил уже 15 марта, в день вступления в должность. С восхищением наблюдала вся Бразилия, как новый глава государства приближался к Конгрессу: за его стремительным шагом не поспевали ни обливающиеся потом генералы, ни вконец измученная дама — министр экономики, ни телохранители. День спустя свежий, будто только что вынырнувший из морских волн президент огласил свою экономическую программу, или «удар каратэ по инфляции».

Жертвой этого замысла стал средний класс бразильского общества. В результате всего лишь одного декрета граждане в одну ночь потеряли свои сбережения, так как государство объявило, что они не могут снимать деньги со счетов в сберегательных банках сверх довольно незначительной суммы.

115 миллиардов долларов личных сбережений граждан были «заморожены» на 18 месяцев. «Да это же чистый коммунизм!» — воскликнул ошеломленный, проигравший президентские выборы профсоюзный босс Лула.

Коллор распорядился уволить сотни тысяч государственных служащих, отдать в частные руки большую часть из 200 государственных предприятий и пустить на продажу то, что считалось привилегиями политической олигархии: 24 тысячи легковых автомобилей, все самолеты, 10 тысяч квартир и вилл с бассейнами, находившихся в распоряжении правительства.

«Все или ничего» — вот основная идея президента, которую он выразил ставшей известной всем фразой: «У меня в стволе всего одна пуля, и она должна попасть в цель».

Излюбленной мишенью этой прицельной стрельбы стали так называемые «фантасмас» — государственные служащие, которые существовали только на бумаге.

Так, например, вскрылось, что в штате Алагоас на каждого ребенка приходится 15 учителей, а в муниципалитете города Нова Игуаса за одним рабочим столом уселись бы 250 служащих, получавших жалованье, случись всем им выйти на работу.

В федеральном штате Акри 92 ребенка были оформлены в официальных документах как «политические советники», и среди них едва успевший выпутаться из пеленок «эксперт». Один трехлетний гражданин, числившийся «специалистом по компьютерам», получал 2550 долларов в месяц.

С того мартовского дня, когда Коллор, как пишет журнал «Вежа», взорвал атомную бомбу под экономикой, граждане страдают от последствий шока, вызванного этим взрывом. Психотерапевты и социологи взяли на себя труд избавить от душевных травм людей, помешавшихся на мысли о том, что в ту «черную пятницу» они вместе со своими сбережениями потеряли будущее.

По словам одного психиатра из Сан-Паулу, до программы в его практике пациенты говорили только о сексе, карьере и некоторых мужских недомоганиях. А сегодня пациенты укладываются на кушетку и только и знают, что говорят о Коллоре де Мелло да о том, что он с ними сделал.

Необычайная активность президента (почти 400 декретов за полтора месяца) несет в себе и психологический заряд: если граждане страны так бессильны, всесильным должен быть президент: глава государства — это тонизирующее средство, спасающее нацию от пассивности и депрессии. Ученый Эдуардо Соареш считает, что «прорыв звукового барьера стал для бразильцев символом прорыва в лучшее будущее».

Что же знает народ о человеке, который начал крестовый поход против особенности бразильского национального характера «жеито» — маленьких проделок на грани законности?

Народу стало известно, что любимый фильм президента — «Бегущий по лезвию бритвы», что у него 100 галстуков фирмы «Гермес», а наручные часы фирмы «Пияже». Народ также знает, кого он целует после окончания рабочего дня — статую Девы Непорочного Зачатия.

Что же все это значит? Кто он, этот неукротимый, молодежно-спортивного вида мужчина ростом в 189 см и с боевым весом в 82 кг, бывший вице-чемпионом Бразилии по каратэ, вознамерившийся смертельным выстрелом поразить инфляцию?

Пока совершенно точно одно: он не переносит личных нападок. Бывшего генерала Ньютона Круза, позволившего себе публичную критику в его адрес, он недолго думая отправил в тюрьму. Среди всего прочего экс-генерал сказал: «Президент, утверждающий, что у него в стволе всего одна пуля, должен пустить ее себе в лоб».

Представители левой интеллигенции видят в нем, человеке, единолично принимающем решения, монарха-менеджера постиндустриального общества. «Он скорее похож на императора античных времен, чем на избранного народом президента XX века»,— пишет журнал «Вежа».

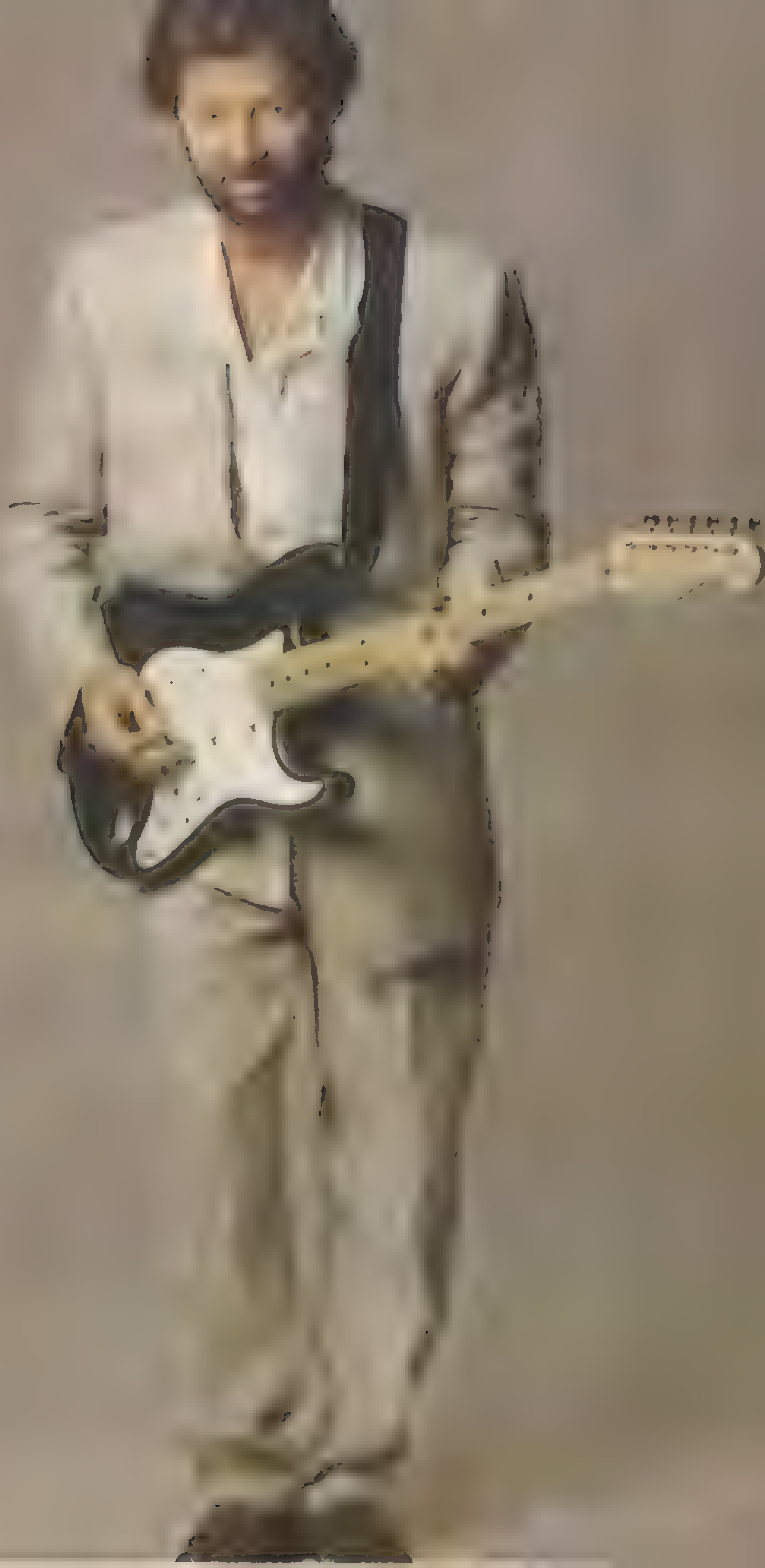
На вопрос, что служит гарантией того, что «замороженные» сбережения «оттают» через 18 месяцев, у Коллора готов классический ответ: «Моя подпись».

Американский «Уолл-стрит джорнэл» сравнил Коллора с Джеймсом Бондом, а журнал «Пипл» причислил его к 50 самым красивым людям планеты. «Наш президент,— сказал пресс-секретарь Клаудио Умберто, и никто при этом не покоробился от безвкусицы,— молодой, красивый, спортивный, мужественный и компетентный в отличие от бывшего — старого, маленького и трусливого».

Воскресная скука не скоро вернется в Бразилию. «Слава Богу,— подсчитал журнал «Иштое».— Нам предстоит прожить еще 236 уик-эндов с нашим президентом». И слава Богу, что существуют 237 олимпийских видов спорта.

Перевела с немецкого С. КАВТАРАДЗЕ

Eric Clapton



L

«LITTLE RIVER BAND» («Литтл ривер бэнд»): группа «Маленький речной оркестр» образовалась в 1974 г. в Австралии.

Исходный состав: Гленн Шоррок, вок.; Рик Формоза, гит.; Биб Бертлз, гит., вок.; Грэхем Гоубл гит., вок.; Роджер Макланлан, бас; Дерек Пеппиччи, уд.

В качестве музыкальной модели «Л.р.б.» взяли очень популярный в США кантри-рок, причем в том его варианте, который разрабатывала известная группа «Кросби, Стиллс, Нэш и Янг». Несмотря на то, что группа образовалась в Австралии, уроженцем этой страны был только Г. Гоубл. Г. Шоррок родился в Англии и переехал в Австралию, где организовал группу «Twilights», Б. Бертлз играл в группе «Zoom», Р. Макланлан получил известность в Новой Зеландии, а итальянский гитарист Р. Формоза некоторое время работал с самим Джонни Уинтером.

В 1972 г. Г. Шоррок вернулся в Англию и присоединился к группе «Esperanto», а после ее распада в качестве сейшнмена работал с Клиффом Ричардом. В 1974 г. он познакомился с Бертлзом, Гоублом и Пеппиччи (которые к тому времени покинули группу «Mississippi»), и они организовали «Л.р.б.». Группа подписала контракт с фирмой «Харвест», и в 1975 г. вышел дебютный альб., а композиция «It's A Long Way There» заняла в США 28-е место (с тех пор практически каждый альб. «Л.р.б.» попадает в амер. хит-парад).

Следующая пл., вышедшая в США («Diamantia Cocktail»), представляет собой сборник лучших вещей из альб., записанных в Австралии. К 1979 г. «Л.р.б.» провели гастроли по США, записали пять альб., а композиции группы прочно обосновались в хит-параде Америки. Частые смены состава не повлияли на общую концепцию творчества «Л.р.б.»; один из самых сильных альб. группы «Time Exposure», 1981, продюсировал знаменитый Джордж Мартин.

В середине 80-х гг. «Л.р.б.» распались, музыканты занялись сольной работой, но в 1989 г. группа вновь собралась и сейчас готовит новый альб.

Пл.: Little River Band, 1975; After Hours, 1976; Diamantia Cocktail 1977; Sleeper Catcher, 1978; It's A Long Way There, 1978 (EP); First Under The Wire, 1979; Backstage Pass, 1980 (2LP — Live). Time Exposure, 1981; Greatest Hits, 1982 (сборник); The Net, 1983.

Изменения состава: 1976 — Формоза,— Макланлан, + Дэвид Бриггз, гит., вок., + Джордж Макардейл, бас; 1979 — Макардейл, + Барри Салливан, бас, + Мэл Лоуген, клав.; 1980 Бриггз, + Уэйн Нелсон, вок., бас, + Стив Хаусден, гит.; 1982 — Шоррок, + Джон Фарнем, вок.

Джон Фарнем соло: Uncovered, 1981.

«LIVING BLUES» («Ливинг блюз»), группа «Неумирающий блюз» образовалась в 1967 г. в Голландии.

Исходный состав: Нико Кристиансен, вок., гит.; Джон Ла Гранд, гармоника; Тед Оберг, гит.; Хенк Смитскамп, бас, клав.; Цесар Зундервийк, уд.

Эта известная в нашей стране группа берет свои истоки в акустическом дуэте Кристиансена и Ла Гранда, работавшего в Голландии во второй половине 60-х гг. В 1967 г., следуя амер. моде на «городской блюз», дуэт электрифицирует свой саунд и расширяет состав — так появилась группа «Л.б.»

Музыканты начали с блюзовых аранжировок известных композиций, на дебютном альб. были представлены вещи таких королей блюза, как Вилли Диксон, Мадди Уотерс, Дитта Уолтер. Кроме того, первые два диска продюсировал музыкант другой голландской группы «Golden Earring» Яаап Эггермонт.

Состав «Л.б.» часто менялся, а барабанщики — практически каждый год, но это не мешало прогрессу группы. В 1972 г. продюсером «Л.б.» стал признанный специалист в области блюза англичанин Майк Вернон. В 1973 г. с приходом бас-гитариста Рууда Ван Буурена и барабанщика Кенни Лэмба (экс-«Jellybread» и «Keylargo») состав наконец стабилизировался.

К тому времени «Л.б.» стали одним из самых заметных блюзовых коллективов Европы, пл. пользовались большим спросом, особенно в Скандинавии. Но в своем пятом альб. гр. совершила поворот в сторону тяжелого рока, и этот шаг принес музыкантам настоящее признание: хит «Boogie Woogie Woman» был признан лучшей хард-блюзовой композицией 1973 г. Великолепные концертные выступления «Л.б.», мощный «живой» саунд также способствовали росту популярности.

В 1974 г. гр. неожиданно для всех распалась, но вскоре Оборг и Смитскамп собрали новых музыкантов и вновь обратились к блюзовому материалу. Однако мода на блюз уже затихла, и после двух великолепных альб. «Л.б.» вначале потеряли контракт с фирмой грамзаписи, а затем — и аудиторию. Еще пару лет музыканты работали в провинциальных клубах, выступали на небольших фестивалях, и вскоре группа распалась окончательно.

Пл.: Hell's Session, 1969; Wang Dang Dooble, 1970; Bamboozle, 1971; Rockin' At The Tweedmill, 1972; Ram Jam Josey, 1973; Live'75, 1975 (Live LP); Blue Breeze, 1976.

Изменения состава: 1969 — Зундервийк + Дик Бикман, уд.; 1971 — Бикман, + Джонни Ле Жен, уд.; 1972 — Ле Жен, + Аржан Каминга, уд.; 1973 — Каминга,— Смитскамп, + Кенни Лэмб, уд., + Рууд Ван Буурен, бас; 1974 — Кристиансен,— Ван Буурен,— Лэмб,— Ла Гранд, + Смитскамп, + Джон Фредерикс, вок., + Кор Ван дер Бик, уд.; 1975 — Ван дер Бик, + Якоб Ван Ханнинген, уд.

«LIVING COLOUR» («Ливинг калэр»), группа «Яркая окраска» образовалась в 1984 г. в США

Исходный состав: Вернон Рейд, гит.; Алекс Мосли, бас, Кори Гловер, вок.; Грег Картер, уд.

Эту сравнительно новую группу в США называют «черным «Лед зеппелин»: по духу и манере игры четыре черных музыканта удивительно похожи на великий англ. квартет. В хард-роке «Л.к.» улавливаются ходы, характерные для музыки конца 60-х — начала 70-х гг., но успех группы объясняется не только ностальгией по тем временам, а скорее высоким профессиональным уровнем музыкантов, их незаурядным композиторским даром.

Лидер группы В. Рейд получил классическое музыкальное образование, играл в различных джаз-роковых группах, таких, как «Defunkt», «Decoding Society», работал с Роналдом Шенноном Джексоном. Первый состав «Л.к.» занимался в основном переложением классических вещей из репертуара известных групп прошлого, но с появлением новой ритм-секции группа несколько изменила свой саунд, и на них обратил внимание Мик Джеггер. В. Рейд принял участие в записи второй сольной пл. Джеггера, а тот, в свою очередь, продюсировал демо-тейп «Л.к.», благодаря чему группа сумела подписать контракт с фирмой «Эпик».

Вышедший в 1988 г. дебютный альб. оказался настолько удачным, что вошел практически во все хит-парады США и Западной Европы, а «Л.к.» назвали «открытием 80-х гг.».

В настоящее время музыканты сотрудничают с Карлосом Сантаной и помогают ему в подготовке нового альб., что говорит само за себя: раз такой мастер выбрал именно этих инструменталистов, значит, по своему уровню они вполне соответствуют самым высоким стандартам рока

Пл.: Vivid, 1988; Time's Up, 1990

Изменения состава 1986 — Мосли,— Картер, + Мазз Скиллингз, бас, + Уильям Кэлхоун, уд.

РЭР вне очереди

Maria McKee

«Я не понимаю, что такое хит,— говорит Мария Макки, 24-летняя певица и гитарист, долгое время работавшая в популярной американской группе «Lon[illegible]» («Одинокая справедливость»), а сейчас выступающая соло.— Если это песни, которые непрерывно звучат по радио и под которые «балдеют» на дискотеках, то я не люблю хиты».

Когда «Одинокая справедливость» распалась в 1987 году, Мария сделала два важных шага: начала писать вещи к сольному альбому и обвенчалась с Ларри Малленом — барабанщиком ирландской группы «Ю-2». Но если союз с «начальником барабанных палочек Ирландии» так и не состоялся, то пластинка удалась на славу. Макки смогла уйти от меланхоличных композиций, которые она создавала для «Одинокой справедливости», и переориентироваться на «музыку души» — так она называет свой музыкальный стиль.

«Музыка души» Марии Макки ни в коем случае не претендует на «хитовость» — это некоммерческое, нетрадиционное, неклишированное, весьма самобытное творчество, которое, несмотря на многочисленные «но», принесло Марии успех. Пластинка оказалась в хит-параде журнала «Биллборд», и, вопреки отношению Макки к такого рода вещам, теперь она все же знает, что такое хит.

«LIVING DEATH» («Ливинг дет»), группа «Зомби» образовалась в 1980 г. в Германии.

Исходный состав: Торстен Бергман, вок.; Франк Фрике, гит.; Райнер Келх, гит.; Дитер Келх, бас; Андреас Оберхофф, уд.

По мнению большинства специалистов, «Л д.» — одна из лучших трэш-групп, которые когда-либо появлялись в Западной Германии. Музыканты играли спид-метал еще тогда, когда этого термина просто не существовало. Группа исполняла высокотехничную скоростную музыку, тогда как большинство «тяжелых» немецких команд того времени тяготели к гораздо более медленной музыке в стиле «Scorpions» и «Accept». Напористый саунд «Л.д.» пришелся по душе руководству независимой европ. фирмы «Ааррг рекордз», знаменитой тем, что она сделала имя таким известным сегодня гр., как «Holy Moses», «Target», «Mekong Delta». Музыканты подписали долгосрочный контракт и провели успешные гастроли по Скандинавии

К середине 80-х гг популярность «Л д.» в Европе стала поистине безграничной. В 1986 г. сменился барабанщик, и новое звено в ритм-секции усилило и без того мощный саунд.

Тогда же тексты песен начинают приобретать зловещий «потусторонний» характер, но изящество лирики (что нехарактерно для немецких групп, поющих на англ. языке) привлекло внимание к «Л д.» в Англии и США.

Как и некоторые их коллеги из Западной Германии, «Л.д.» шли по пути усложнения своих композиций, что вкупе с интенсивными гастролями подогревало интерес публики. В 1987 г. гр. выпустила один из самых сильных альб. «Защищенный от действительности», который вывел музыкантов в элиту трэш-метал.

Следующий альб. оказался последним: гр. покинули братья Келх, и по условиям контракта оставшиеся музыканты не имели права использовать прежнее название. Гр. стала называться «Sacred Chao», в состав пришел поющий бас-гитарист Лемми, ранее работавший в «Violent Force» (не путать с Лемми из «Motorhead»).

Сейчас «Sacred Chao» продолжает играть усложненный вариант спид-метал, который они сами назвали «технический трэш» В новом составе большое значение приобрели вокальные партии, в этом основное отличие от прежнего саунда

Пл.: Vengeance From Hell, 1983; Watch Out!, 1985 (EP); Metal Revolution, 1986; Back To The Weapons, 1986 (EP); Protected From Reality, 1987; World s Neuroses 1988

Изменения состава: 1986 — Оберхофф, + Этомик Штайф, уд.; 1988 — Д. Келх,— Р. Келх; 1988 — группа реорганизована под названием «Sacred Chao» в следующем составе: А. Штайф; Тото, вок.; Фред, гит.; Лемми, бас, вок

LOGGINS AND MESSINA. Логгинс и Мессина, амер. дуэт, образовался в 1972 г.

Состав: Джим Мессина, гит., вок.; Кенни Логгинс, гит., вок.

Дж. Мессина начинал в известной группе «Buffalo Springfield», был сооснователем другой, не менее известной группы «Poco». С Логгинсом сначала работал как продюсер, и дебютный альб., вышедший в 1972 г., проходит по дискографии К. Логгинса, хотя большую часть композиций создал именно Мессина.

Вскоре дуэт «оброс» сессионными музыкантами (Мерл Бергант, уд.; Эл Гарт, духовые, скрипка; Ларри Симс, бас; Джон Кларк, духовые, Майкл Омартейн, клав.) и в кратчайшее время приобрел популярность на Западном побережье США. Несмотря на то, что гр. исполняла традиционный калифорнийский рок, мягкость звучания делала манеру неповторимой, что, видимо, и оценили слушатели.

До 1976 г., когда дуэт распался, Логгинс и Мессина создали более 40 композиций, занимавших самые высокие места в хит-парадах США и Западной Европы. Вскоре после распада каждый приступил к сольной работе. Логгинс в 1978 г. добился успеха с композицией «Whenever I Call You Friend», которую написал вместе со Стиви Никс из «Флитвуд Мэк», также успешно работал с музыкантами из группы «Doobie Brothers». Мессина записал два сольных альб., но реакция слушателей на них оказалась более чем сдержанной, и исполнитель исчез с музыкального горизонта.

Карьера Логгинса благодаря природной ритм-энд-блюзовой окраске его вокала первое время протекала благополучно, но увлечение саундом, присущим для групп «новой волны», в конце концов лишило аудитории и его.

Пл.: Kenny Loggins With Jim Meccina Sittin' In 1972; Loggins And Messina, 1972; Full Sail, 1973; On Stage, 1974 (Live LP); Motherlode, 1974; So Fine, 1975; Native Sons, 1976; The Best Of Friends 1976 (сборник); Finale, 1977; Best Of Loggins And Messina 1980 (сборник).

К. Логгинс соло: Celebrate Me Home, 1977; Nightwatch, 1978; Keep The Fire, 1979; Alive, 1980 (2LP — Live); High Adventure, 1982; Vox Humana, 1985.

Дж. Мессина соло: Oasis, 1979; Messina, 1981.

«LONDON», группа «Лондон» образовалась в 1978 г. в США.

Исходный состав: Лиззи Грей, гит.; Дэн Рейдж, уд.; Рифф Риген, вок.; Стив Войс, бас.

Эта группа просто была обязана стать лидером амер. тяжелого рока: через состав «Л.» прошли самые известные музыканты Америки — каждый из них после выхода из «Л.» стал звездой мировой величины, но группа, которая была для них «стартовой площадкой», продолжала оставаться в тени.

Организовал гр. в 1976 г. сам Блэки Лоулесс (ныне лидер «W A S P »), привлекший к сотрудничеству Грея и Никки Сиккса (последний сегодня играет в «Motley Crue»). Впоследствии оба гранда сегодняшнего глэм-рока потеряли интерес к группе (тогда она называлась «Sister») и оставили Грея в одиночестве.

В начале 1978 г. Грей смикшировал имевшийся муз. материал, записанный наполовину с Сиксом и Лоулесом, наполовину с новыми музыкантами, первая партия пл. появилась на прилавках (группа уже переименовалась в «Л.»), но Лоулесс счел качество работы компрометирующим его как музыканта и под угрозой суда добился того, что весь тираж пошел под пресс

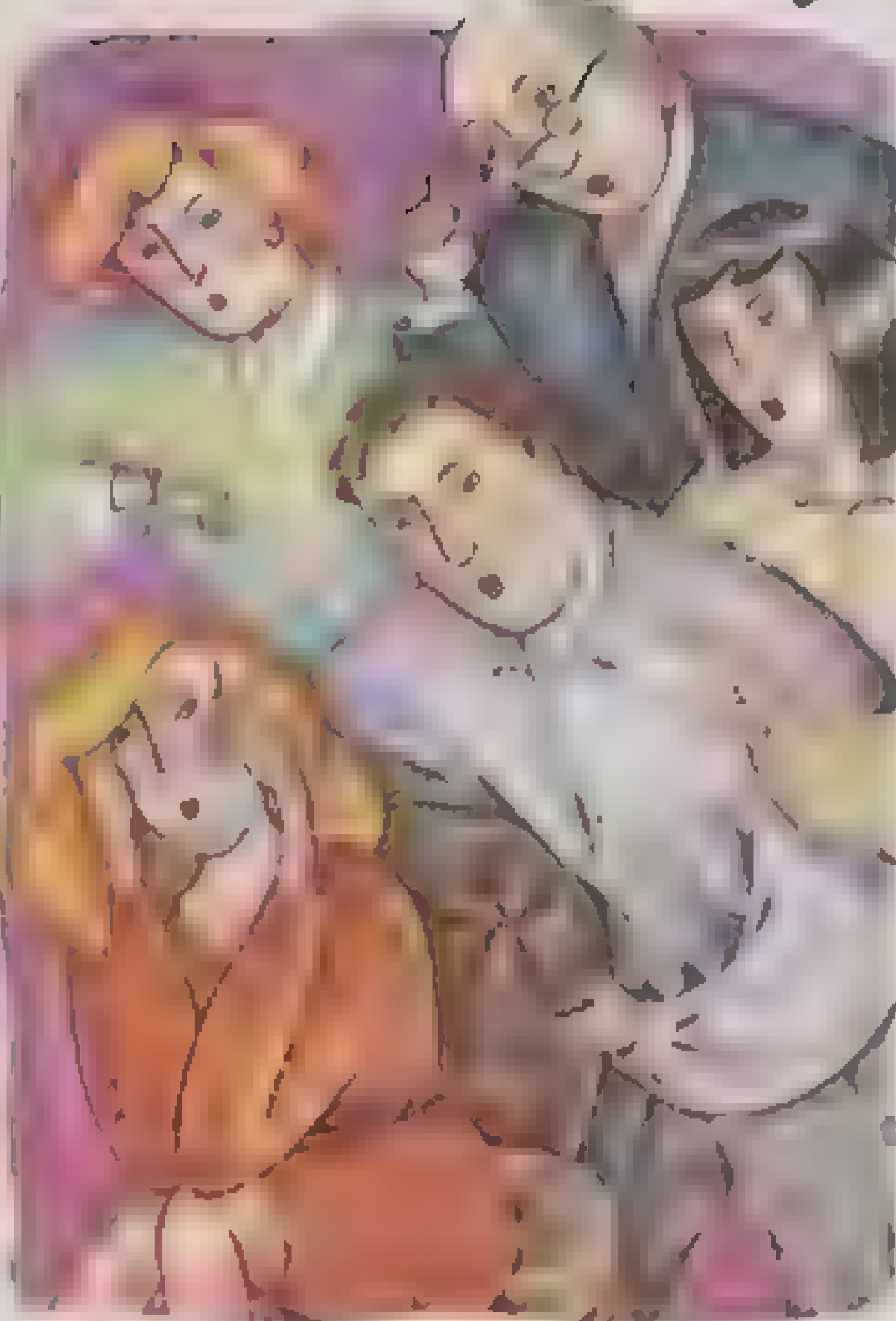
В промежутке между 1978 и 1984 гг. через «Л.» прошли такие музыканты, как Фред Коури («Cinderella»), Иззи Стрэдлин, Стивен Адлер и Слэш (все — «Guns N'Roses»), певец Найджел Бенджамин, работавший с «Mott The Hoople», и многие другие не менее знаменитые музыканты.

Несмотря на то, что репутация «Л.» в клубах Лос-Анджелеса была чрезвычайно высокой, музыкантам никак не удавалось получить контракт на запись. Однако в 1984 г. Грей познакомился с вокалистом Надиром Д Пристом, и ситуация изменилась. Они на пару подготовили новый материал, ориентированный прежде всего на рынок глэм-рока,— в репертуаре, помимо традиционных резких гитар и пульсирующего ритма, большое внимание уделялось отчетливым мелодическим линиям с легко запоминавшимися рефренами. (Сейчас аналогичную музыку играют «Ratt», «Motley Crue» и «Poison»). К ним присоединились еще два молодых музыканта, и в 1985 г. вышел дебютный альб. «Л.», получивший отличные рецензии.

Однако к выходу второго альб., ставшего «золотым», в гр. в очередной раз сменились практически все музыканты. Сейчас «Л.» вместе с известным продюсером Ричи Подолором работают над новым диском, но, судя по сообщениям «металлической» прессы, в «Л.» опять произошли изменения и наметились очередные замены. Сейчас всех интересует только одно: когда «Л.» удастся выпустить этот широко рекламируемый альб., если удастся вообще.

Пл.: Animal Games, 1978 (в официальную дискографию не входит); Non Stop Rock, 1985; Don't Cry Wolf, 1987.

Изменения состава (начиная с 1984 г.): 1984 + Брайан Уэст, бас, + Уэйлин Джей Морган, уд.; 1986 — Морган, + Дэн Рейдж, уд.; 1987 — Рейдж, — Грей, + Ши Дерек, уд., + Фрэнки Джонс, гит.; 1988 — Джонс, + Шон Льюис, гит.; 1989 — Дерек, + Тим Ясуи, уд.



КАК РЕАГИРОВАТЬ НА КРИТИКУ И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЮ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНА ВАМ НЕПРИЯТНА

Сьюзен ЯКОБИ, американская журналистка

В возрасте двадцати двух лет я работала репортером в вашингтонской газете. Я обожала свою работу и чувствовала себя просто на седьмом небе, пока меня однажды не вызвал начальник. «Вы очень способны,— начал он.— Но...» (от этого «но» у меня заныло в животе). «Но кое-что может серьезно помешать вам в работе. Коллеги жалуются, что вы слишком болезненно реагируете на критику и на замечания, поэтому с вами трудно работать. Если бы вы избавились от этого недостатка, вы могли бы иметь успех».

Выходя из кабинета, я едва не разревелась: было очень больно и обидно слышать, что со мной не хотят работать. Но внутренний голос говорил, что у меня действительно слишком капризный характер, и я заставила себя прислушаться к совету шефа. Теперь я понимаю, какую неоценимую услугу оказал мне этот человек. Его слова были типичным примером конструктивной критики, а труднее всего конструктивно отвечать на конструктивную критику. Но если б я не научилась этому, последствия были бы непоправимыми.

«Мы терпеть не можем критики независимо от того, насколько она обоснованна,— замечает психотерапевт из Нью-Йорка Линда Барбанел.— Правда нас очень раздражает. От друга, от любимой, от сослуживица, от начальника нам хочется слышать только, какие мы чудесные и восхитительные». Между тем одна из важнейших задач взрослого человека — научиться отличать справедливую критику от несправедливой, серьезную от шутливой, дружескую от враждебной. Рассмотрим некоторые примеры

Критикуют друзья: полезно или обидно!

Наиболее ценную критику мы можем получить от друзей. Как правило, это люди, чем-то похожие на нас самих: друзей-то мы выбираем сами (в отличие от родных). Тем не менее и от друзей требуется известная осторожность. Очень важно правильно выбрать время — это почти полдела. Большинство из нас заткнет уши, если замечание сделано не вовремя, между тем как со временем мы могли бы воспользоваться им. Тридцатилетний инженер Элан был очень подавлен, когда узнал, что невеста решила бросить его практически накануне свадьбы. Услышав о разрыве, один из друзей указал Элану на его удивительную способность увлекаться легкомысленными девушками. «Он был прав,— говорит Элан,— но я перестал с ним разговаривать, и потребовалось более двух лет серьезных раздумий, чтобы я убедился в его правоте. Но в тот день, когда сердце было разбито, я нуждался в поддержке, а не в критических замечаниях».

А вот пример своевременной критики. Джесси, 29-летняя учительница, имела привычку не вылезать из долгов. Подруга указала ей на это во время рождественской прогулки по магазинам, когда Джесси сильно потратилась, как всегда, на одежду и на подарки. «Я знаю, что у нас одинаковое жалованье,— сказала подруга,— пожалуйста, не сердись, но я хочу спросить, как ты можешь сразу тратить столько денег!» Поначалу у Джесси испортилось настроение, но позже, когда посыпались счета, она вспомнила слова подруги и начала приводить в порядок свои финансовые дела. «Я пришла бы к этому рано или поздно,— говорит Джесси,— но забота Эллен была очень своевременной»

Психологи предостерегают против тонко замаскированных диверсий недоброжелателя под видом дружеских советов. «К сожалению, порой приходится с болью признать, что друг оказывается совсем не другом,— пишет Л. Барбанел,— часто таких «друзей» огорчают наши успехи или положительные перемены в жизни». Так, Лаура рассказала, что лучшая подруга всячески мешала ей соблюдать хорошую, действительно эффективную диету. «В конце концов, я поняла, что Бесс хочет, чтобы я оставалась толстушкой,— решила Лаура.— Теперь мы иногда встречаемся, но я не вижу в ней друга».

Критикуют родители: «Для твоей же пользы!» Или нет!

Некоторые люди вполне терпимы к замечаниям со стороны друзей, но не способны принять критику от родителей. Известно, какая терпимость требуется от родителей для поддержания хороших отношении с выросшими детьми. Родительская критика — это целая отдельная проблема. У нас могут сложиться вполне разумные, взрослые, основанные на взаимной любви отношения с родителями, но в моменты критики с их стороны мы можем вести себя как дети. Стоит матери, скажем, усомниться в правильности нашего выбора одежды, как у нас сразу же подскакивает давление.

Бывает, что за критикой стоит несовместимость ценностных ориентиров детей и родителей. В такой ситуации Линда Барбанел советует сочетать уважение к взглядам родителей с последовательной реализацией права жить своей жизнью: «Легче рассуждать о том, как важно быть объективным, нежели быть объективным на самом деле. И многие из нас постоянно сражаются с родителями, желая во что бы то ни стало обратить их в свою веру. Это бесполезно. Лучше сказать: «Да, мы любим друг друга, но давайте-ка в этом вопросе останемся каждый при своем мнении». И если вы любите своих родителей, а они вас, то все уладится»

Критикует близкий человек: поединок вместо любви!

В отличие от родителей жена или подруга может уйти, вот почему критика, даже мелкое брюзжание очень опасны беспрерывное недовольство способно разрушить л ю б ы е отношения. Лучше обращать внимание только на такие черты характера подруги или друга, которые действительно можно изменить. Кроме того, следует говорить по существу.

Психологи советуют быть особенно тактичным в вопросах сексуального поведения и внешности партнера. Не следует, например, говорить: «Ты такая толстая, что мне противно». Лучше проявить заботу о диете жены и вовремя поощрить ее. Вообще поощрение очень важно Также нецелесообразно строить отношения на постоянной угрозе разрыва в случае нежелания друга или подруги «исправиться»: в основе критики должен лежать не эгоистический ультиматум, а желание помочь и улучшить совместную жизнь. Иначе любовь принимает форму нескончаемого сражения

Критикуют на работе: стимул или угроза!

«Принимать любую критику так же неправильно, как и автоматически от-

вергать ее,— говорит Боу, консультант по вопросам управления из Южной Калифорнии.— Просто нужно все время спрашивать себя: а действительно ли болеет за вас тот, кто делает замечание? Ведь это может быть начальник, взявший вас на работу и хорошо вас знающий, а может быть и новый шеф, набирающий свою команду и потому желающий вас уволить. Тем, кому трудно отличить здоровую критику от местных интриг, я советую проконсультироваться с товарищем, который работает в другом месте, но по той же специальности и хорошо разбирается в вопросе». Именно так поступил Майк, редактор ночной телевизионной службы новостей, когда новый продюсер назвал его медлительным и посоветовал перебраться в студию художественных и документальных фильмов. «Я никогда не опаздывал со сдачей материала,— говорит Майк,— но я и сам знал, что иногда действительно бываю менее расторопен, чем мои коллеги. Я пришел посоветоваться к одному товарищу, который старше меня и работает на другой программе ТВ. Он сообщил мне то, чего я не знал: оказывается, новый шеф имеет привычку избавляться от тех, кто работал до него. Тогда я понял, что не стоит сомневаться в собственных возможностях. И увольняться лучше не спешить». Майку пришлось в течение года терпеть нападки шефа, а потом продюсера «перекинули на повышение» — на новую должность, где он почти не имел отношения к вечерним новостям и... к контактам с людьми.

«Если у вас есть чувство выполненной работы,— советует Боу,— то в здоровой критике вы увидите стимул к росту, а не угрозу».

Самокритика надежнее всего

По мнению психологов, способность человека объективно воспринимать критику во многом зависит от самооценки. Некоторые не видят у себя недостатков и поэтому как бы не слышат критики, но таких меньшинство. Обычно все-таки мы сравниваем критику с нашим представлением о себе. Однако бывает и так, что мы, найдя черточку, которую действительно стоит исправить, начинаем вообще сомневаться в себе. Между тем важно знать и о своих достоинствах тоже.

Легче реагировать на критику, даже самую неприятную, если ей предшествуют положительные замечания, как в случае с моим начальником, который начал со слов: «Вы способный работник». Но независимо от формы критики нам нужно иметь четкую внутреннюю самооценку.

Нужно всегда задавать себе два вопроса. Первый: «Правда ли то, за что меня критикуют?» Второй, более важный: «Если это правда, то повлияет ли этот мой недостаток на жизнь человечества или нет?» Задавая себе эти два вопроса, мы сможем отделить конкретный недостаток от общей картины нашей личности.

Перевел с английского П. ПОНОМАРЕВ

Единственно, о чем он мечтает, это умереть в здравом уме и своей смертью в собственном доме, не очень любезно встретившем его в 1947 году. Его мать, уверенная, что у нее бесплодие, за два года до этого усыновила мальчика. Рождение сына она приветствовала словами: «Вот это новость!»

«Раз я не должен был появиться на свет,— убежден Стивен Кинг,— то, значит, я тут случайно!» Такой взгляд на свою жизнь вполне объясняет, чего он ждал от нее.

Удачи, уж точно, он не ждал. И все так и складывалось. Жили вроде не в нужде: отец был представителем фирмы, продающей пылесосы. Однажды он вышел из дома, сказав: «Пойду куплю сигареты». Стивен уверен, что помнит эти слова, хотя ему было всего два года. И, известное дело, никто его больше не видел. Мать, правда, углядела позже его в документальном фильме про наемников в Конго. Но ее это не удивило: «Он был уникальным представителем фирмы: мог до двух часов ночи уговаривать купить пылесос молодых вдовушек».

Мать пошла работать гладильщицей, потом гувернанткой. Уличные мальчишки дразнили обоих братьев подкидышами и гнали со своей территории за железнодорожную насыпь. Стивену было пять лет, когда у него на глазах поезд на куски разрезал его приятеля-одногодка.

Он перестал выходить из дома. Его любимым местом на долгое время стал чердак. Там было жутковато и приятно-одиноко. До тех пор, пока он не нашел в куче хлама чемодан отца. Он был набит дешевыми книжками фантастики, но еще — ворохом писем из различных редакций. Этот мерзавец, оказывается, баловался рассказиками. Их нигде не печатали

Собственно, писать он начал в пику отцу. Но позже — в четырнадцать лет. До этого он думал о литературе с ненавистью. Только в университете, где он посещал курс английской словесности, он понял, что писать — это серьезно. К тому времени несколько его рассказов уже напечатали в небольших журналах.

Чтобы иметь возможность писать, с дипломом филолога ему пришлось работать сначала на заправочной станции, потом в прачечной за 1 доллар 75 центов в час. С женой, его бывшей сокурсницей, и ребенком это был риск. Причем еще больший, чем кажется нам. Стивен Кинг не ждал успеха. Иначе он не был бы Стивеном Кингом. Это даже был не риск, а испытание себя на прочность. В редакциях, откуда ему отвечали отказами, как видно, были уверены, что его эксперимент с литературой продлится долго, поэтому просили не забывать прилагать марки на оплату пересылки рукописи автору. Раз, два, три, четыре, пять... Судьба. Кажется, он сознательно убивал себя отчаянием с каждой новой неудачей. Он был убежден, что станет писателем или ему не жить.

Он перестал спать. По ночам, чтобы заглушить ощущение надвигающейся беды, на обратной стороне неоплаченных счетов он писал рассказы с кошмарными сюжетами, еще более кошмарными, чем могла выдумать жизнь, и радовался, если получалось страшно, как ребенок. Самый кровавый из тех рассказов был написан на счетах от молочника. Если эта деталь и выдумка, то — достойная Кинга.

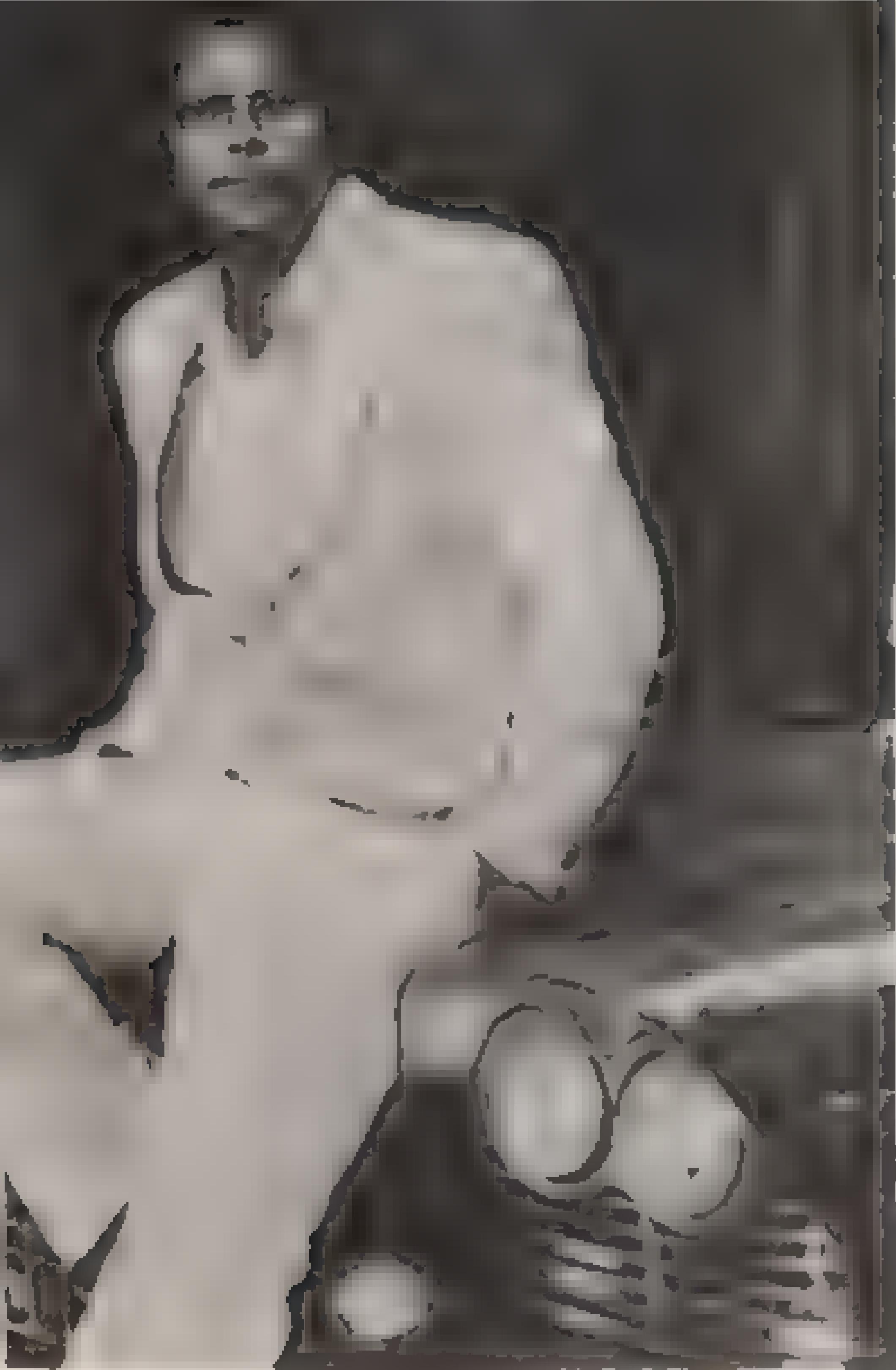
В 1973-м крупнейшее американское издательство «Даблдэй» купило за две с половиной тысячи долларов давно гулявшую по редакциям рукопись его третьего по счету романа «Кэрри». Тринадцать тысяч экземпляров тираж, робкие отклики в прессе. Нет, это еще не было началом жизни писателя Стивена Кинга. Феномен Кинга, как и феномены героев его книг, возник как результат стечения обстоятельств, когда «Кэрри» был переиздан двухмиллионным дешевым изданием и одновременно вышел на экраны фильм по этой книге Брайана де Пальма. В один день Кинг превратился, как написала о нем «Нью-Йорк таймс», в «мэтра литературы ужасов». А он просто выжил.

Он не был бы собой, если бы еще какое-то время после того, как на него посыпались миллионы, не колебался, бросать ему работу в прачечной, чтобы целиком посвятить себя литературе. Бросил только, когда был подписан договор на вторую книгу. Но из своего маленького, не связанного ни с какими приятными воспоминаниями городка Бангор так и не уехал. Даже тогда, когда в конце восьмидесятых семь его романов вошли в число двадцати пяти самых читаемых произведений десятилетия, а их автор был признан самым богатым писателем в мире, он остался в городе, который раньше был знаменит только тем, что зимы тут настолько холодны, что сидр в барах рубят топором. Единственное, что Кинг позволил себе, став богатым, это купить местную радиостанцию, гонявшую сладенькое диско, настолько он ненавидит эти замкнутые, как в четырех стенах, циклические мелодии. Теперь радиостанция передает только его любимый рок: днем и ночью.

Кроме рока, он любит еще воздух, чтобы было много чистого воздуха. Управляющий делами получил полную свободу вкладывать его деньги куда угодно, кроме химической, оборонной и табачной промышленности. Любит то, что может теперь позволить себе не принимать журналистов, а спокойно работать: каждый день с 8.30 до 11. 30, кроме 25 декабря, 4 июня и 21 сентября, дня своего рождения.

Он не выдумывает свои сюжеты. По опыту он знает: чтобы найти сюжет, главное — его не искать. Он просто ждет, когда какая-то безобидная сцена из повседневной жизни вдруг заставит его задуматься: «Было бы интересно, если бы...»

Как-то его дети — у него их уже



С появлением в литературе американца Стивена Кинга появился и новый термин — «мегаселлер», то есть не просто бестселлер, а такой, который издается фантастическими тиражами. «Мертвая зона», «Воспламеняющая взглядом», «Туман» и еще более десятка его романов и множество новелл — и все, если учесть, что они переведены на большинство языков мира, есть чуть ли не в каждом доме. И еще — фильмы, которые по этим книгам ставят самые известные режиссеры...

Кто же такой знаменитый Стивен Кинг? Пьер Ассулин, автор биографий многих писателей, попытался набросать его портрет.

УЖАСЫ СТИВЕНА КИНГА

Пьер АССУЛИН,
французский журналист

трое — попытались спасти кошку, перебегавшую дорогу. Но не успели, ее на полном ходу раздавил грузовик. И чуть не сбил детей. Было бы интересно связать историю жизни этой кошки и судьбу ребенка... И Кинг написал «Кладбище домашних животных»

В другой раз, наблюдая, как посетитель забегаловки облизывает испачканные соусом пальцы, он попробовал представить, как далеко может зайти человек, если ему придется есть самого себя. Дело, конечно, не в аппетите, а в силе воли. Ответ на этот вопрос — в его самой ужасной новелле — «Вкус жизни», где современный робинзон оказывается еще и хирургом. Словом, все просто

Однако вот уже пятнадцать лет литературоведы и те, кому не дает покоя феномен Кинга, задаются вопросом: если все так просто, то почему такой успех? Случайность? Или точный расчет на конъюнктуру?

Скажем так: Стивен Кинг появился вовремя. Сам для себя он уяснил это давно, еще в 1979 году, когда на всемирной встрече писателей-фантастов увидел многих из тех, кем зачитывался в юности. В отличие от него, уже богатого и знаменитого всего после нескольких книг, большинство его кумиров влачили довольно жалкое существование. Пик их творчества пришелся на двадцатилетие спада интереса к их литературе. К тому времени, когда появился первый роман Кинга, «Ребенок Розмари» Айры Левин и «Экзорцист» Блэтти только-только вновь подогрели интерес публики к фантастическим ужасам, проистекающим из их собственной убогой городской жизни конца века.

Собственно, Кинг только отчасти «виноват» в своем успехе. Кто сегодня не боится смерти настолько, чтобы ассоциировать себя с героями его книг? Помоему, таких все меньше и меньше. И страх читателя — невидимая декорация книг Кинга.

Удивительно, что основной читатель его книг — молодежь. Хотя почему — удивительно? У взрослых сильнее страха смерти страх выглядеть глупо. Молодежь же не комплексует из-за того, что солидные журналы, объявляя о новой книге Кинга, обещают, что она «доставит удовольствие всем тем, кто сбавляет скорость, чтобы поглазеть на аварию».

Последняя из новинок в разворачивающейся борьбе против пугающей почтенную публику популярности Кинга (помимо щедрых упреков, что «это — не литература») — нагнетание страха перед его книгами. Молодежь-де совершает преступления по кинговским рецептам. В Бостоне девочка-подросток разыграла с матерью финал «Кэрри» с кухонными ножами. Во Флориде убийцы врача оставили на стене надпись «redrum», анаграмму «murder» («убийство»), в точности, как в «Сиянии». Кинг, оказавшийся в трудном положении, сказал, что этих убийц необходимо судить дважды — второй раз за плагиат

Что же касается страха — то тут те, кто боится Кинга, абсолютно правы. Он и сам говорит, что главное для него завязать сюжет так, чтобы суметь завести читателя туда, куда он сам бы никогда не отважился ступить. Литература тут живет по особым законам, подчиняясь золотому правилу Хичкока: «Догадываться интереснее, чем догадаться». Еще ничего не случилось, но уже страшно. Мало? Следующая стадия — ужас. Приоткрывается краешек того, о чем вы только догадываетесь. Напряжение растет. Становится не по себе, хочется захлопнуть книгу. Подождите Все окажется не так, как вы думаете.

Во всяком случае, Кинг не отпускает читателя до тех пор, пока не победит его. «В идеале,— сказал он как-то, пугая добропорядочных читателей в одном интервью,— мой триумф наступит тогда, когда кто-нибудь, читая мою книгу, умрет от разрыва сердца! Тогда я скажу: это грустно. И буду искренен Хотя одновременно подумаю: боже мой, все отлично!»

Самому ему пока удается справляться со своими собственными страхами, самые безобидные из которых — боязнь летать самолетами, черные кошки и цифра «тринадцать». Когда он печатает на машинке, он никогда не останавливается на тринадцатой или кратных ей страницах. Подумать только, а ведь кто-то пишет диссертации о тайнах литературного процесса!

И еще он очень боится темноты. Он не может заснуть без света, и дети нередко подшучивают над ним, выключая в доме электричество. Однако самый большой страх связан не с фантастическими ужасами. Он панически боится перестать писать. Он убежден, что, если он перестанет писать, он умрет или сойдет с ума. Нет, это не сумасшествие, это — серьезно

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ

Романы ужасов. Роман А. Левин вышел на русском языке в 1990 году. «Экзорцист», или «Изгоняющий дьявола», знаком многим любителям видео по одноименному фильму.— Прим. ред

ВЫСОКОУРБАНИЗИРОВАННОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО решило отныне не ударять по бездорожью, более того — ценить это бездорожье и всячески его ублажать. Потому что человеку городскому очень даже приятно ощущать под ботинками не асфальт, а «живую» почву, а человеку сельскому надоело ждать на обочине скоростного шоссе, когда без риска для коров удастся перескочить на другую сторону. Так что городские американцы с удовольствием отправляются теперь на абсолютно добровольные «субботники» по приведению в порядок проселочных дорог и старомодных, не закованных в бетон железнодорожных путей — «чтобы земля дышала».

Однако заметка эта — не для утешения наших страдающих от бездорожья соотечественников: американцы-то у себя уже скоростных автострад понастроили, теперь, для разнообразия, можно и по ухабам..

ГРУППЫ, ПОДРАЖАЮЩИЕ «ЛЕД ЗЕППЕЛИН», уже не новость, но «зеппелиномания» сейчас начала принимать явно юмористический оборот

Например, группа «Дред зеппелин» исполняет свои версии классических хитов «Лед зеппелин» в стиле, который можно назвать «тяжелый рэггей». Кроме того, их солист Тортэлвис утверждает, что он — незаконнорожденный сын самого Элвиса Пресли

Группа «Тед зеппелин» исполняет свои версии песен и «Лед зеппелин», и Теда Нюджента (хотя и не претендует на родство с последним). Зато Джейсон Бонхэм, сын легендарного барабанщика «зеппелинов», недавно присутствовал на выступлении «Т. з.» и даже сыграл с ними несколько песен. Так что спада интереса к ставшей уже исторической группе пока не намечается. Хотя вопреки надеждам поклонников не намечается и ее возрождения с Джейсоном за ударной установкой.

УРОК АНГЛИЙСКОГО. Случалось ли вам столкнуться на улице с группой подростков, наслаждающихся ревом переносного магнитофона? Поскольку данное явление имеет международный характер, то вводим в ваш обиход новое английское словосочетание «гетто-бластер». Так называется в англоязычных странах этот орущий магнитофон, ибо только уровень воспитания, полученного в гетто, позволяет человеку появляться в общественных местах с приспособлением сугубо индивидуального пользования. Еще одно английское словосочетание — «импьюнити мэн», то есть «человек безнаказанный»

Падал ли к вашим ногам огрызок яблока, запущенный из окна жилого дома? Это остатки трапезы такого человека. Приходилось ли вам в абсолютно пустом вагоне метро или электрички перелезать через привольно растопыренные ноги сытого и сонного существа? Это «импьюнити мэн» на привале. У этого подвида существуют и другие области приложения своих сил и способностей: прохождение очереди без очереди, веселый хохот-ржание, например, в библиотеке, танцы с топотом под утро и многое другое

Безусловно, «импьюнити мэн» посещал вас, и вы задавали себе вопрос: как с ним бороться? Англичане — народ своеобразный, и чувство юмора у них тоже своеобразное, потому «импьюнити мэн» сейчас постепенно превращается в «бити мэна», то есть «человека побитого», то есть — исчезает как вид

Как насчет того, чтобы бросить огрызок в урну? Нет? Тогда придется его съесть. А сделать потише музыку? Тоже нет! Тогда вам придется выйти и т. д. Берем на вооружение!

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ?» «Не знаем, не были»,— скажут одни. «Президентом смотря чего?»— схитрят другие, а третьи воскликнут: «О, это очень трудно!» И они, пожалуй, правы. Ведь наряду с высоким чувством власти президент постоянно ощущает тяжкое бремя ответственности за страну. Но при всем при том президент остается просто человеком, и ничто человеческое ему не чуждо

Вот в Вашингтоне, например, и дом вроде Белый, и лужайки вокруг него зелены, и рабочий кабинет не унылый прямоугольный, а уютный овальный, но и там президенту иной раз взгрустнется

И вот, когда в Белом доме становится скучно, то президент «берет гитару и тихим голосом поет...». Иногда ему подыгрывает и подпевает лидер республиканской партии Ли Этуотер Вполне возможно, что такой дуэт мог бы называться «(республиканская) партия для двух гитар без оркестра»

Вы спрашивали

В СВОЕ ВРЕМЯ «РОВЕСНИК» ПИСАЛ О СТРЕМИТЕЛЬНОМ ВЗЛЕТЕ АНГЛИЙСКОГО ДУЭТА «УЭМ!». Потом каждый из его участников начал работать соло, Джордж Майкл стал звездой мирового масштаба, но читатели спрашивают: что же случилось с Эндрю Риджели?

Его соло-карьера оказалась не такой успешной, однако и он кое-чего добился. После того как Риджели в последний раз выступил в паре с Джорджем Майклом (это было в 1986 году на лондонском стадионе «Уэмбли»), он решил стать автогонщиком и даже участвовал в гонках по «Формуле-III», затем получил несколько небольших ролей в Голливуде, но в 1988 году вернулся к музыке. Его последняя пластинка —«Сын Альберта».

«МОЯ ЦЕЛЬ — ПРОВОКАЦИЯ» — так откомментировал оригинальнейший композитор Америки Филипп Гласс свой новый мюзикл — невероятное произведение для шести голосов, двух синтезаторов и двух саксофонов «Juke box all drogeno» («Музыкальный ящик на водороде») — на слова Аллена Гинзберга, певца поколения битников. В основу положен коллаж из 21 стихотворения: бит-музыка и бит-поэзия еще раз объединились, чтобы снова сказать американцам правду. Новый мюзикл — портрет американской культуры конца XX века, поэтому в нем настойчиво звучат основные темы нашего столетия — мировая война и бомба над Хиросимой, Вьетнам и полеты в космос, защита окружающей среды, продажность политики и политиков. Послание-предупреждение адресовано и нам с вами

В углу круга

Хорди СЬЕРРА-И-ФАБРА,
испанский писатель

Эли, оцепенев, не проронила ни слова. Но и в этом состоянии она как бы источала величие Будды.

— Значит, не говорит...— продолжал я.— Вот Рос — это конечно, другое дело: вчера, стоило мне представиться вам, как вы даже в лице изменились. Я-то сдуру вообразил было, что моя фамилия известна вам по газете. Зато теперь хоть стало ясно, что Рос для вас — не фамилия, а ... имя.

— Какая глупость,— прошептала она.— Пожалуй, с меня довольно. Я наслушалась достаточно бредней, и, уверяю вас, у меня еще много работы.

Она явно вознамерилась встать, но тут я оказался проворней, и, взяв ее за руки, сумел удержать на месте. Напрягшиеся было мускулы Эли тотчас безвольно обмякли, и сквозь косметику вдруг резко проступили и прожитые годы, и та зрелость, которую не хочется выставлять напоказ.

— Право, говорить вам и нужды-то особой теперь нет.— Я и здесь постарался ее опередить.— Не так уж эта история замысловата, чтобы не пересказать ее самому,— отчего-то я никак не мог отвести взгляд от ее холеных рук, длинных ухоженных ногтей.— Вчера вы показались мне женщиной сильной, независимой и довольно холодной. Вам присущ дар актрисы. Знающие люди говорили мне о безмерной вашей гордыне, что, как любой хищник, вы не любите делиться добычей. И еще я слышал, что вы вцепились в Хави, как в последнюю... или, скажем, неплохую возможность устроиться в этой жизни. Все или ничего — это ведь ваш девиз? Я далек от мысли, что вы не были влюблены, но любовь эта явилась лишь удачным довеском к главному: Хави — директор возрождающейся фирмы. Вы лелеяли множество планов, и вдруг Хави ломает их одним махом...

Однажды вам удалось его выследить, когда Хави шел к Анхелес. Вы увидели, дверь какой квартиры открылась, и внизу уже, на почтовом ящике, прочли, как вам показалось, имя той женщины. Тогда больше не думалось ни о чем — слишком болезненной оказалась рана.

Вот почему, уже стоя над мертвым Хави, вы вспомнили ненавистное вам имя, и решили сразу за все отомстить. Вам и в голову не пришло, что есть еще Рос — мужчина, и полиция сначала нагрянет к нему

Плечи ее опустились, морщины пролегли в уголках глаз и губ. Качнув головой, она попыталась заговорить·

— Я.

— В среду вечером вы ушли в парикмахерскую. У вас много свободного времени, и вы, конечно, вольны им распоряжаться, но посвятить целый вечер этому заведению! Нет уж, увольте — на это должна быть серьезная причина. И заставило вас столь основательно почистить перышки самое женское из всех побуждений: вернуть мужчину. Вот зачем вы пошли к Хави и, услышав там последнее «нет», убили его.

— Не-е-т! — Голос ее был страшен.

— Ну, будет вам, Эли.— Я попытался как можно мягче коснуться ее ладоней, но она отдернула их, как от удара током.— Я мог бы помочь вам, если вы скажете, что Хави прятал в своем доме.

— Боже мой, о чем вы? — Ее стала бить крупная дрожь.— Хави был уже мертв, когда... я вошла.

— И вы думаете, вам можно поверить? Все против вас, Эли. Кстати, вы и в полицию позвонили утром — чтоб вернее направить расследование по ложному пути.

Эли стала заметно сдавать: в глазах появились первые слезы.

— У вас есть ключ от квартиры Хави?

— Да, у меня был ключ,— с готовностью подхватила Эли.— Вчера выкинула его в канализацию... Но в тот вечер я сначала позвонила в дверь, никто не отозвался, вот и решила зайти, чтобы подождать его там. Было около половины девятого, если это вам интересно. Вошла... а он уже был мертв. Тогда...

— ...Вы решили впутать в это дело ту женщину.

Окончание. Начало см. в № 8—11 за этот год

— Но я была уверена, что убийца — она! — Эли опять сорвалась на крик.

— И, несмотря на сильное потрясение, РОС вы вывели каллиграфическим почерком, а фломастером послужили пальцы мертвого возлюбленного.

— Но я не убивала его! — Эли твердо стояла на своем.— Я любила Хави, правда любила.

Возвращался я в Барселону, запасшись двумя версиями. Одна из них только что выдохлась здесь. Другая... По сути, ее еще не было. Я не знал, с чего опять начинать. У меня не было никаких доказательств.

Вообще ничего не было

— А Хави был еще теплый,— вдруг сказала она.— Значит, я пришла почти сразу после того, как... И могла по дороге встретиться с тем, кто это сделал.

Поднявшись из кресла, я положил руку ей на плечо. На этот раз Эли не отстранилась. Надо же, по ее милости полиция держит меня на прицеле, и вот, оказывается, я не питаю к ней никакой вражды! Просто стало очень жалко ее.

Уже на пороге я задержался. Эли Бустаменте все так же сидела за столиком.

— Сделайте мне одолжение... и себе тоже,— попросил я ее.— Позвоните инспектору Менендесу и расскажите ему все, как было. За то, что вы сделали, по головке, конечно, не погладят, но и бояться особенно нечего. Ладно?

Она молча кивнула головой.

XXV

Получалось, опять начинать мне с нуля. Остается одно: вновь вернуться в «Карма Дискос». Ведь Хави бился скорее не столько за фирму, сколько ради музыки самой, нашей хипповой с ним молодости... Впрочем, рок — стихия молодых, сорокалетним, если только они не законченные идеалисты, там делать нечего. На что же мог натолкнуться боевитый идеализм Хави?

— «Карма Дискос». Слушаем вас,— пропел знакомый голос телефонистки.

— Кончи? Это Даниэль Рос. Помнишь еще такого?

— А как же! Опять что-нибудь насчет Мора?

— Опять.

— Ладно. Только вот служба... В общем, когда станут сюда дозваниваться, связь на время будет обрываться. Ты только не бросай трубку, я обслужу клиента и опять подключусь. Значит, говоришь, времени у тебя в обрез?

— Не то слово! Только не торопись с ответами. Обдумай сначала все хорошенько: здесь важна каждая мелочь. Ну вот тебе для начала: когда ты в последний раз его видела, чем он был занят?

— Во вторник, значит... В тот день я пришла около восьми. И, представь себе, сеньор Мора уже был здесь, точнее — все еще здесь. В несвежей рубашке, небритый, с воспаленными глазами... Я случайно застала его в комнате, где стоит фотокопировальная машина; там горел свет, ну я и решила, что кто-то с вечера оставил, зашла — а он там. От неожиданности мы оба растерялись. Помню, он только спросил: «Что, неужели уже восемь?. »

— А какие фотокопии он делал?

— Да откуда же мне знать?

— Я о другом: большие, маленькие?

— Размером с лист писчей бумаги.

Самое время задать последний вопрос. А как подобраться к нему — не знаю. Черт, монеты на исходе. Ладно...

— В среду он тебе звонил?

— Было дело.

— В котором часу?

— В половине второго. Я уже собралась на обед, поэтому и запомнила

— Сказал тебе что-нибудь?

— Лично мне — нет. Попросил связать его с сеньором Сантакана.

— Ничего больше?

— Ничего. Я их соединила и отправилась в кафе.

У меня голова пошла кругом. Фотокопии... Бумаги, что, как в сейфе, прятались в «Sgt. Pepper's»... Похоже, все действительно замыкалось на «Карма». А если так, то с кем еще поделиться, как не с хозяином фирмы? Хозяином всех его надежд и планов... Вот только что именно Хави должен был ему рассказать? Или — о ком?

— Даниэ-эль! — пропела Кончи.— Ты еще там?

— Ох, Кончи, а ты уверена в том, что после звонка Хавьера ничего такого у вас не произошло?

— Я ушла обедать,— отчетливо разделяя слова, ответила она.— И со мной еще куча народу. А когда вернулась, сеньора Сантакана, естественно, уже не было — он всегда в это время уходит.— Кончи явно устала от разговора.

— Тут вот еще какая штука...— вкрадчиво заговорил я.— Ты не можешь спросить у Эсперансы, говорил ли сеньор Сантакана с кем-нибудь в тот день, перед тем как уйти с работы? Или, скажем, попросил ее позвонить клиенту? Тогда кому именно?

— У Эсперансы?..— отчего-то струхнула Кончи.— Ну ты даешь

— Прошу тебя... Сейчас это важнее всего на свете!

— Ну какой ты прямо... Ладно уж, подожди. .

Кончи отключилась на полминуты.

— Даниэль, слушай меня внимательно, потому что я уже устала. Единственное, о чем он, уходя, попросил — как всегда, позвонить Себастьяну.

— Кому, кому?

— Себастьяну, шоферу. После инфаркта сеньор Сантакана сам за руль не садится.

— Сеньор Сантакана сейчас у себя?

— Сегодня его вообще не было.

— Где же его искать?

— Может быть, дома? Я краем уха слышала, что у него встреча с немцами.

«Аубэнталер»! С Хави на борту или без него, «Карма» готова поднять паруса... Последняя партия, которую решил разыграть старый лис Сантакана.

— Адрес его, адрес!

— Значит, так... Дом его, точнее, особняк ты отыщешь неподалеку от нового квартала Бельсолейг. Я-то там не бывала, но видела в рекламе. Здоровенный такой домина из красного кирпича. Он один там такой — не промахнешься. Ты давай там не пропадай, мне ж надо знать, чем все...

И связь прервалась.

XXVI

Кончи, в общем, оказалась права: эту достопримечательность респектабельного квартала не отыскал бы разве только слепой, да и то — попервости.

Я нажал на кнопку звонка, и в награду раздались звучные аккорды популярной когда-то вещи, вознесшей Сантакану на первый гребень финансового успеха.

Любопытное правило, не знающее исключений: когда компании горят синим пламенем, их хозяева, кажется, этого и не замечают.

Откуда-то вдруг возник человек, чело которого запечатлело все признаки лакейского воспитания — вот только ливреи ему не хватало.

— Можно мне видеть сеньора Сантакану? — Я постарался придать голосу всю вальяжность, на какую только был способен, памятуя о том, что сейчас внешность моя — далеко не лучшая визитная карточка.

— Сеньор Сантакана дает официальный обед в честь высоких гостей. Все уже в сборе, и значит, вас в списке приглашенных нет. Увы

— Мне доводилось бывать на его приемах, и, могу вас заверить, любезный, время обеда,— я ткнул пальцем в часы,— еще не настало. Передайте сеньору Сантакана, что здесь его дожидается Даниэль Рос и речь пойдет об убийстве Хавьера Мора

Эта фраза откупорила его сообразительность: отперев дверь и слегка проводив по тропинке, со словами «ждите здесь» дворняга помчалась к хозяину.

Долго ждать не пришлось, хотя лакея я больше не видел.

Садовым газоном прямиком на меня неслышно наплывала статуя, невесть как добежавшая до здешних мест из запасников музея мадам Тюссо. И она улыбалась! — вот что доконало мое бедное воображение. Оказавшись ближе, статуя обернулась красоткой лет двадцати пяти. Высокая,

стройная, она обладала той статью, которой — при отсутствии щепетильности — иной раз добываются приличные состояния. Протянув правую руку, она тем самым обозначила дистанцию между нами.

— Меня зовут Блеси,— представилась она.— Артуро сейчас подойдет. Прошу вас — сюда, пожалуйста...

...Я проследовал за ней вестибюлем, упершимся в широкую беломраморную лестницу, как бы сошедшую с кинолент тридцатых годов. Под ней оказалась библиотека, уставленная прогибающимися от тяжести книг стеллажами. Лишь в дальнем конце ее, вокруг камина, оставалось свободное пространство. Ковер глушил звуки наших шагов.

Присев, Блеси пригласила последовать ее примеру.

— Артуро говорил мне о вас,— процедила она.— Эта история с вашим приятелем... ужасна, не так ли?

— Именно так,— подтвердил я.— А вы знаете, мне давно хотелось познакомиться с вами,— предложил я другую тему.

— Правда? И чему я обязана?

— С юных лет я восхищаюсь сеньором Сантакана. Давно уж, как видите...

— Необыкновенный мужчина,— отметила она, чуть задрав подбородок.— Вы не находите?

Находить было уже нечего: предмет нашего разговора только что переступил порог библиотеки, аккуратно прикрыв за собой дверь. Он шагнул ко мне с широкой улыбкой, на ходу перебросившись мимолетным взглядом с подругой.

Его энтузиазм — вот что удручало больше всего. В голову полезли мысли одна мрачнее другой. Хуже того, меня вдруг охватил неосознанный, непонятный мне страх.

— Рос,— провозгласил он,— это всегда сюрприз.

— Вы уж простите мое вторжение, но дело не терпит отлагательства. Я не хотел бы...

Подняв руки, он ладонями как бы затолкнул мне в глотку остаток фразы. Со стороны мы, наверное, смотрелись старыми добрыми друзьями, понимающими друг друга с полуслова. Но я-то знал, что это не так. Веко над его правым глазом вдруг поразил нервный тик — Сантакана словно бы невзначай прикрыл его.

— Садитесь, садитесь же — в ногах правды нет,— радушно пригласил он.— Дорогая, ты еще не предложила сеньору Росу чего-нибудь выпить?

— Спасибо, не хочется,— отказался я.

Пододвинув еще одно кресло, он расположился чуть в отдалении от нас, и Блеси оказалась в вершине образовавшегося треугольника.

— Мне передали, что ваш визит непосредственно связан с этим убийством,— сказал он, с любопытством поглядывая на меня.

— Вам правильно передали.

— Вы восхищаете меня, Рос! — воскликнул он.— Значит, удалось что-то выяснить?

— Может, и удалось,— не спешил я выкладывать карты.

— У меня важное совещание,— произнес он с нажимом,— но я готов выслушать вас до конца.— Тут голос ему изменил:— Хавьер Мора... Он стал для меня словно сын... Мне нужно знать, кто убил его. И за что.

— Мне тоже. У меня есть факты, о которых гадать не приходится.— Я впервые удобно почувствовал себя в кресле: удалось наконец овладеть вниманием крошечной аудитории.— Очевидно, например, что Хави раздобыл где-то материалы, компрометирующие «Карма», и во вторник снял с них фотокопии. Известно, что он спрятал их в один из альбомов «Битлз»— так, на всякий случай, и решил их отнести ко мне, но я в это время находился в Бильбао, а он не рискнул оставить пакет консьержу. Не застал он дома и бывшую свою жену. В итоге альбом оказался в доме подруги его дочери; узнав, что Хави убит, Патри вскрыла пакет, и... вот она, золотая жила! Попытка шантажировать стоила ей жизни... А документы оказались в руках убийцы. Вот, собственно, и все.

— Я что-то не совсем уловил, Рос,— развел руками Сантакана,— о каких бумагах вы говорите?

— Не знаю, что в них было такого... Я думал, вы поможете мне разобраться в этом.

— Я? Каким образом?

— Потому что в среду, около полудня, Хави позвонил вам из Льорет де Мар.

Глаза его сузились.

— Откуда вам это известно?

— Просто знаю, и все.

— Да, мы действительно с ним тогда говорили. Хавьер еще сказал, что в среду он на работу не выйдет... Собственно, для этого он и позвонил.

— Мне очень жаль, но я не верю вам, Сантакана,— вырвалось у меня.— Повторяю еще раз: Хави на что-то наткнулся в «Карма», на что-то настолько важное, что перед ним возникла альтернатива: либо остаться верным себе, своим принципам, либо продать их ради денег и удачи. Потому-то он и позвонил вам. Зачем? Предупредить. Я достаточно хорошо знал Хави, чтобы понимать, что он никогда не предаст самого себя. Он поведал вам нечто такое, за что вполне можно поплатиться жизнью. Это была бомба, заставившая вас молчать.

— Да вы никак... обвиняете меня в сокрытии преступления?

Он улыбался. Очень мне не понравилось, как он улыбался.

— Почему вы вчера ничего не сказали ни мне, ни даже полиции? О чем предупредил вас Хави?

— Боже мой, да ровным счетом ни о чем!

— Жаль. Вынужден признать, что вы лжете, Сантакана. Кого-то вы покрываете... И становитесь соучастником какой-то большой аферы.

— Да не будьте же вы кретином, Рос! — Я впервые увидел его орущим.— Да понимаете ли вы, что тот, кто убил Хави, подписал заодно смертный приговор и мне, и «Карме»? Все это время я бьюсь над тем, как спасти хотя бы обломки! Сегодня пятница; если мне удастся удержать ситуацию до понедельника, тогда есть хоть какая-то надежда.

Он бросил взгляд на Блеси, как бы ища ее поддержки, но призыв не был услышан. В остром углу треугольника недвижимо восседала восковая кукла.

— Ну что ж, мне искренне жаль,— подвел я итог горячему монологу.— Остается надеяться на полицию. Я всегда уважал вас, Сантакана. И «Соновокс» когда-то объединил нас — немногих, но уж зато — единомышленников. Мы делали свою музыку и выложились, как умели. Ради нее выложились, Сантакана, а не ради вашей фирмы. И куда бы ни возносились «Соновокс» или «Карма», люди, делавшие музыку, неизменно оказывались выше. Это блеф, что вы заказывали музыку, Сантакана. И не следовало вам предавать наши традиции — мы ведь все родом из шестидесятых. Для нас не денежки, не доходы значили главное. Поэтому я должен знать, кто убил Хави.

Я искоса глянул на Блеси. Синева ее глаз зарябила страхом, верным предвестником паники. Сама того не сознавая, сейчас она укрепила меня в сознании правоты.

— Ну, так кто убил Хави?

Покачав головой, он счел за лучшее предостеречь:

— Ох, не надо бы зарываться так, Рос.

У меня уже не было с чего заходить, оставалось сыграть только «втемную». Я встал.

— А ведь все, что нужно, мне уже известно.

— Куда это вы направились?

— Следите за прессой.

— Рос, вы никуда не пойдете!

В два прыжка опередив меня, он заслонил спиной дверь.

— Эй, Себастьян! — крикнул он.

Дверь тотчас отворилась.

— Впереди — сорок восемь часов, Рос,— обратился ко мне хозяин «Карма».— Дайте мне сорок восемь часов!

За его плечами выросла башня в человеческом облике. Этот усатый тип, видно, обладал недюжинной силой. Китель шоферской формы блистал надраенными пуговицами. И черная дыра 38-го калибра заглянула мне прямо в лицо.

XXVII

Я не выдержал первым:

— Вы, я вижу, все тут предусмотрели. Вот и подручный по грязным делишкам...

— Знакомы вы с Себастьяном? — поинтересовался Сантакана.

— Слава Богу, теперь знаю в лицо. Однако нам довелось уже тесно обняться.— Я невольно шевельнул рукой, и боль тотчас же отозвалась в плече.

— Он тебя видел? — обернулся Сантакана к шоферу.

— Нет. Было темно,— донесся из-под притолоки глуховатый басок.

— В следующий раз, как соберетесь убивать человека, форму оставьте на вешалке.— Я старался не подавать виду, что здорово выбит из колеи.— Пуговицы у вас замечательные.

— Ну и ловкий вы малый, Рос,— расслабленно осклабился Сантакана.— Да вот беда — припоздали...

Обернувшись к Блеси, он уже с любезной улыбкой проворковал:

— Дорогая, самое время тебе вернуться к обязанностям гостеприимной хозяйки. Гости, надо полагать, заждались...

И Блеси исчезла, лишив нас своего общества. Жаль! Артуро Сантакана вновь устроился в кресле. А я вот все никак не мог очухаться. Надо бы как-то отвлечься, но чем, если не разговором?

— Вчера поутру вы разыграли неплохую комедию! Вы так горячо интересовались, что там с Хави... Вот и сегодня были весьма любознательны.

— Я не мог рисковать.

Во что бы то ни стало забыть о направленном в лицо револьвере: иначе не выдержу — сорвусь. Но как забыть, когда вот он — уставился...

— Выходит, Артуро Сантакана — убийца,— подвел я очевидный итог.

— Все мы грешны,— уклонился он от прямого ответа.

— Да и кто мог вас заподозрить! Вас, меньше всех желавшего смерти Хави.

— Я и на самом деле ее не желал. Хавьер был нужен мне, очень нужен. А на этом проклятом деле я потеряю от пятидесяти до ста миллионов. Недешево мне обошлась эта... неожиданность.

— Но зачем вы подняли руку?..

— Вам, сеньор детектив, и впрямь невдомек!

— Да вот донимает меня одна смутная идейка,— неопределенно заметил я.— К примеру, отчего здесь пасутся представители «Аубэнталер»? И потом, эти банковские кредиты... Вы ведь, если не ошибаюсь, и в мыслях не держали спасти «Карма Дискос»?

— Ну наконец-то дошло,— хмыкнул Сантакана.

— И Хави стал для вас просто находкой в этой афере. Вам позарез нужен был человек, порядочный во всех отношениях, к тому же известный в музыкальном мире, и что еще важнее — в деловых кругах. Скандальная шумиха по спасению «Карма» была только на руку: иначе нипочем не вернуть вам доверие банкиров и зарубежных фирм. Кстати, о чем речь-то идет? Двести, а может, триста миллионов легли на бочку?

Сантакана так и зашелся в визгливом дробном смешке:

— Пятьсот!.. Пятьсот миллионов песет... Рос, ей-Богу, вы меня уморите!

— Ну разумеется,— согласился я,— если бы вы пустили с торгов здание фирмы, все каталоги, а в придачу к ним — и этот дворец, выручка была бы куда скромнее. А плохо продать — всю жизнь страдать... Другое дело — бежать, прихватив с собой все кредиты. В результате Хави — по уши в несметных долгах и грязи, а вы... Вас уже не достать: пятьсот миллионов песет упрячут хоть в преисподню. И вас, и дражайшую вашу даму.

— Ах, Рос, меня все ваши разговоры уже не волнуют. Повторяю: через сорок восемь часов все будет кончено! Пять дней назад банкиры раскошелились почти на триста миллионов песет. Хорошо сработал Хавьер, ничего тут не скажешь. И переговоры с «Аубэнталер» шли как по маслу, но теперь приходится торопиться, и я оказался в худшей позиции: они-то могут сидеть здесь хоть до второго пришествия. Словом, этим вечером продам им часть компании за двести миллионов. Завтра с помощью несложной операции обращу их в наличные. До понедельника никто и ухом не поведет, а там — ищи ветра в поле. В ночь на воскресенье мы с Блеси махнем... Как вам Багамские острова?

— А что вы сделаете с Себастьяном?

— М-м-м... Себастьян... Ну что ж, придется его захватить с собой — заслужил.

Я рассчитывал, что шофер хоть чуточку отвлечется, прислушавшись к разговору: ведь речь зашла о его судьбе. Ничуть не бывало — матовый ствол револьвера даже не дрогнул.

— Вы мне все уши прожужжали своими планами, а между тем не так уж и хороша задумка, коль скоро Хави ее раскусил.

— Ваш приятель, Рос, проиграл ровно столько раз, сколько одержал побед. Вечный неудачник, измученный шараханьями самого неуправляемого из кораблей — корабля музыки. Для других он был явлением особого порядка, сам же себя он держал за постоянную жертву собственных иллюзий. Хавьер так и не понял, что я сыт по горло этой борьбой. Никак до него не доходило, что единственное желание, которое еще сохранилось во мне,— это хорошо прожить остатки отведенного мне срока.

— Что же вы сделали с тем Сантаканой — шестидесятых годов?

Я думал, он не ответит,— и ошибся. Да, он менялся прямо на глазах. Удача встряхнула его, Сантакана вновь почувствовал ту уверенность в себе, силу, которую дает только власть над человеком. Собственно, я был последним препятствием, которое он в любой момент мог устранить как ему заблагорассудится... Потому он и впал в такую откровенность.

На меня вдруг накатила усталость.

— Хави умер за свои идеалы...

— Отчасти это так,— признал Сантакана,— хотя его смерть и не была предусмотрена. Когда он позвонил мне, сообщив, что разобрался в бухгалтерских книгах и снял с них фотокопии, я был ошарашен... Не знал, что и делать. Он назначил встречу у себя на квартире. Мы зашли с Себастьяном — к счастью, никто нас не видел. Хавьер выдвинул свое предложение: мне надлежало отступиться от «Карма». Я же давал ему двадцать миллионов песет, свободных от налогов. Всего-то и требовалось от него — помалкивать, пока я не отчалю. А как только обнаружится мой побег, с него и взятки гладки. Выступил бы в роли одураченного директора, как я, собственно, и задумал, когда его нанимал... Но на этот раз я еще и платил! И знаете, что он мне на это ответил? — И продолжил, не дожидаясь моего ответа:— Он отверг мое предложение, заорав, что ему нужно нечто куда большее, чем деньги. А потом его и вовсе понесло — тоже, как и вы сейчас, помянул о шестидесятых, о том, что это были годы великих потрясений в музыке и любви, когда человечество стояло на пороге обновления... или вселенской гибели. И что за глупость такая! — Голос его отдавал уже горечью.— Он все это говорил мне... Мне! Без таких людей, как я, шестидесятые годы прошли бы серенькой чередой, это мы направили в нужное русло идеи таких, как Хавьер Мора, или вы, Рос... Полагаю, нет никакой необходимости предлагать вам деньги в обмен на молчание. Хавьер Мора и Даниэль Рос! Все Хавьеры и Даниэли мира! — Крик его завис, как маятник в высшей точке, и тут же упал, качаясь на сорванных интонациях.— Да вы что, ослепли! Обратившись в прах, те мечты шестидесятых подготовили кризис семидесятых годов! «Пусть будет так!»— вот с чем ушли гении из Ливерпуля... И умерли шестидесятые. Так и должно было быть, чтобы следующее десятилетие отрезвило нас, преподало урок реализма.

Знаете, что я вам скажу? Вы, вы, Хавьеры и Даниэли, вы очень опасны, куда опасней иных мировых проблем. Простодушие, бесхитростность — вы не только наивны, но еще и... фанатичны. Что там у вас? «Чти ближнего своего»? «Подаи руку страждущему»? Только не суйтесь ко мне со своей моралью. Я признаю лишь жесткие рамки реалий. И то, если они совпадают с моими желаниями.

Тяжело дыша, Сантакана молча уставился на меня. Может быть, в тот самый день, когда был задуман побег, ему впервые захотелось яростно выплюнуть в кого-нибудь эти слова, чтобы оправдаться перед самим собой. Наконец-то ему это удалось...

— Себастьян займется вами, Рос.

Шофер извлек что-то из кармана — я не сразу понял, что именно.

Это был глушитель.

Мне хватило одного почти дружеского толчка, чтобы вылететь к центру библиотечного зала.

— Прощайте, Рос,— махнул рукой Сантакана.— Круг замыкается! Ты поосторожней там выходи,— напутствовал Сантакана свое доверенное лицо.— Убедись прежде, что поблизости никого нет. Я думаю, Блеси развлекает их у бассейна, и все же... Ну а потом выйдешь на улицу — там, у ограды, сеньор Рос оставил свою машину. Ты уж будь добр, разбери ее на запчасти — хватит с нас улик и шантажистов.

XXVIII

Себастьян долго вел меня каким-то длинным путаным коридором. Стоило мне замедлить шаг, я тут же получал ускорение тычком револьверного ствола в поясницу... Бесила меня эта двойственность ситуации: то ли они решили ограничиться заключением меня под стражу, то ли, где два трупа, там и третьему место найдется... Мы выбрались в сад. Издалека доносился плеск воды в бассейне, голоса гостей

Я шел, стараясь незаметно поглядывать по сторонам, но ничего вдохновляющего так и не приметил. Тропа оборвалась, а с ней — и мои надежды.

— Ну!..

Приказ есть приказ. Я взялся за заржавленную скобу. Дверь открылась внутрь. Там, за ней, развесилась пыльная, мутная полутень, нанизанная на углы стеллажей, дряхлой домашней утвари, грубо сколоченных рам. Что-то вроде сарая или склада.

Еще шаг вперед. Дверь дошла до упора и, скрипуче вздохнув, двинулась мне навстречу. Где-то я вычитал, что очень рослые люди, как правило, тугодумы. Тут все дело в циркуляции крови, подпитывающей мозг.

Еще один шаг.

Ухватившись за наплывающую на меня скобу, я изо всей мочи рванул на себя дверь, тотчас отпрыгнув влево. Донесшийся из-за спины гулкий удар оповестил об удаче: если Себастьяну и не расплющило нос,— а как было бы хорошо! — он хоть на несколько мгновений упустил меня из виду.

Негромкий хлопок — пуля, взвизгнув, выбила облачко пыли из какой-то рухляди. Дверь отворилась, в проем ворвался мой разъяренный страж. Не дожидаясь второго выстрела, я бросился ему в ноги,— и на пол обрушилась статуя Командора...

В пыльном облаке мы потеряли друг друга, и удар револьверной рукояткой пришелся в половицу. Я вскочил было на ноги — и с воплем рухнул как подкошенный: щиколотку защемило в тисках его лапищи. Смертный ужас бросил меня к порогу, правой рукой я пытался найти точку опоры,— нашел, рывком подтянулся... И не тронулся с места. А «опора» моя здорово саданула в подбородок: это была просто-напросто валявшаяся на полу палка. Зато Себастьян выронил револьвер.

Конец палки был утыкан шипами — простейшее орудие садоводов, собирающих по осени опавшие листья.

Я не помню, как вывернулся, как впервые взмахнул палкой. Я бил и бил ею, и кровавое марево застилало глаза Я бил за Хави, за Патри, за себя. Я бил и бил...

Справа, в мраморной раме бассейна, позировала рыжая дама в бикини. Неподалеку, за отлично сервированным столиком, два молодых человека перешучивались с Блеси. Впрочем, при моем появлении смех оборвался. Артуро Сантакана развлекал третьего гостя — оба возлежали в шезлонгах, и кубики льда тихо позванивали в зажатых в крепких пальцах бокалах. Неподалеку суетился уже знакомый мне лакей.

Визг рыжеволосой купальщицы слился с визгом Блеси. Я направился к Сантакане. Среди общего смятения он один продолжал утопать в шезлонге, и кубики льда все так же позванивали в фужере. Но, подойдя ближе, я прочитал на его лице все, за чем стоило явиться сюда.

Других просто не существовало. Были маски. Маска Блеси. Маска купальщицы. Маски немцев. Лакейская маска.

Нет, только мы вдвоем оставались живыми. И поэтому мне стало жаль его. Я развернулся, чтобы уйти.

— Не делайте этого, Рос!

Никто из немцев не сдвинулся с места: проиграв подряд две войны, они здорово развили в себе чувство самосохранения.

— Рос! — еще раз позвал хозяин «Карма Дискос».

Я вышел к тропинке. Дверь, улица. Моя малолитражка, прижавшаяся к той стороне. Где ближайший телефон-автомат? Черт, надо было разменять монет..

— Рос!

Сантакана уже никуда не уйдет. Не уплывет, не улетит, не уедет.

XXIX

Хорошо, что была суббота. Почти все, знавшие Хави, пришли с ним проститься.

Не было Анхелес.

Пако и Пепа, Роберта, Тина, Хосе Игнасио Ортега, «Карма Дискос» в полном составе, возглавляемая Кончи — отчего-то она избегала смотреть в мою сторону... Люди из других компаний —«Эми-Испавокс», «Ариола», «Полиграм», «Верджин»... Директора и исполнители, рекламщики и артисты, менеджеры и операторы, журналисты и критики; были и те, кому Хави подрезал крылья...

Музыкальный мир хоронил одного из своих.

Пако подмигнул, кивнув на мою руку, висевшую на перевязи. Он был уже в курсе последних событий: по дороге в тюрьму у хозяина «Кармы» отказало сердце — второй инфаркт. Блеси отрицала все — она ничего не знала. Любовь, как известно, слепа. Думать о них не хотелось.

Рядом с Тиной стоял какой-то славный малый Шепнув ему что-то на ухо, она подошла ко мне, чмокнула в щеку.

— Привет,— поздоровался я.— Значит, позвала его?

— Нет, он сам пришел. Ну а там видно будет

— Конечно, будет. Теперь все будет иначе

Я протянул ей конверт.

— Хави написал мне это письмо в Льорет де Мар. Я получил его сегодня утром.

Рука Тины дрогнула, потянувшись к конверту. Она все не решалась его открыть.

— Что там?

— Твой отец опасался за исход этого дела. Особенно после того, как оставил пакет на попечительство Патри. В этом письме он шаг за шагом рассказал мне, как шел по следу Сантакана. Здесь все выкладки — цифры, сметы, копии договоров. Скрупулезнейший анализ сложившейся в фирме ситуации.

— Так что же, выходит... вчера ты рисковал понапрасну?

Я сам себе задал этот вопрос, прочитав письмо.

— А почему это письмо пришло сегодня, а не, скажем, вчера? А если бы консьерж передал мне его послезавтра? Да это теперь и неважно. Главное, он и мертвым сумел одержать победу.

— Ты отдаешь письмо мне?

— Там есть строки о нас, о тех годах, о тебе.

Тина пробежала глазами письмо.

— Я потом еще его почитаю... Здесь есть приписка: «Дан, эти пластинки оставь у себя. Только ты знаешь истинную им цену».

Тина, отойдя в сторону, сунула руку в топорщившийся карман плаща

Я удивился, увидев извлеченную на свет кассету.

— Однажды отец сказал, что когда он умрет, то пусть я позабочусь, чтобы на прощании с ним «Битлз» спели «Good night...».

Вставив кассету в магнитофон, она направилась к гробу, рассекая молчание и одиночество, оставляя позади страхи и подозрения. Никто не шевельнулся, не вымолвил слова. И тогда зазвучали первые аккорды.

— Хорошая песня,— сказал я себе.— Песня шестидесятых

Перевел с испанского Н. ЛОПАТЕНКО
Рисунок А. КОЛОМАЦКОГО

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проклятие «Оскара» кончилось.

Проклятие! Самая высокая награда американской Академии киноискусства, о которой мечтают все актеры мира, словно гнев Божий! Но если посмотреть повнимательней, то обнаружится, что список тех, для кого эта вершина превратилась в ровное плато успеха и стабильной работы, куда короче списка тех, кому за вершиной предстал спуск, и часто крутой. Вполне возможно, что это — очередной голливудский миф и что каждый раз, когда с обладателем вожделенной статуэтки что-то случается, публика склонна видеть в случившемся подтверждение мифа (в конце концов, никто ведь еще не сравнивал статистику неудач людей обыкновенных со статистикой неудач кинозвезд), однако... Мать Лайзы Миннелли, легенда американского кино Джуди Гарланд, умерла от сверхдозы снотворного после своего «Оскара». Сама Лайза... Впрочем, об этом потом.

Все, кто наконец-то посмотрел «Кабаре», фильм режиссера Боба Фосса (вышел в 1972 году, на наши экраны проник в восемьдесят девятом), не могли в нее не влюбиться. Даже отчаянные пуритане, которым очень не понравился сюжет. Да и как было устоять перед этой хлынувшей на нас искренностью, обаянием, честностью, перед этим голосом, взглядом, улыбкой! Чумовая Лайза, отчаянная Лайза, солнце, проглянувшее сквозь обрывки туч. Счастье, которое подарила ей эта роль, изливалось на зрителей так обильно, что судьба была просто обязана оставить ее вовек счастливой.

В двадцать шесть лет Лайза Миннелли получила своего «Оскара». И вошла в историю мирового кино, как вошел в нее фильм. А каково это — в двадцать шесть лет стать историей!

Она родилась в Лос-Анджелесе, отец — знаменитый в сороковые годы режиссер Винсент Миннелли, мать — великая актриса, красавица. Лайза унаследовала голос матери, но внешность — отца. «Представляете, что значит быть дочерью Джуди Гарланд с такой-то физиономией!» — весело кричала она репортерам. Профессиональная подготовка началась с самого детства: с пяти лет — балетный класс, уроки музыки, потом вокала, актерского мастерства. «С шестнадцати лет или, может, с пятнадцати! Не помню. Короче, я уже выступала на Бродвее — в самом заднем ряду кордебалета. Я жила в этой музыке, в популярной музыке тридцатых, сороковых, пятидесятых годов. Кстати, моим крестным отцом был Айра Гершвин» (старший брат великого композитора Джорджа Гершвина, автор текстов многих знаменитых эстрадных песен).

Пение — несмотря на то, что она начала сниматься довольно рано, ее дебют состоялся в малоизвестном английском фильме «Чарли Бабблз» — стало главным делом ее жизни. «Но мне всегда было трудно с репертуаром: я не умею петь песни ни о чем, типа «Давай-ка потанцуем, потанцуем, потанцуем». Поэтому, наверное, я так удобно чувствую себя в старых эстрадных песнях, где был сюжет, была история». Поэтому, добавим, она гастролирует вместе с великим Фрэнком Синатрой — несмотря на разницу в возрасте, они «одного поля ягоды». Поэтому Лайза Миннелли всегда была «певицей для взрослых» — молодежь воспринимала ее как суперзвезду прошлого, хотя последним своим «проектом» она ворвалась в хит-парады и сугубо роковых изданий (но об этом тоже потом).

Вернемся к истории с «Кабаре». После него Лайза стала живой легендой, и как-то даже неловко было сниматься в чем-то, что не соответствует уровню этой работы. Правда, режиссер «Кабаре» Боб Фосс снял с ней еще один музыкальный фильм «Нью-Йорк, Нью-Йорк», но критика раздраконила его в пух и прах — еще бы, не «Кабаре»! Она выступала с концертами, ездила в мировые турне, слава не оставляла ее, но настоящей работы, такой, что захватила бы целиком, не было. И

начались эмоциональные срывы. «Я боялась переступить какой-то порог, войти в жизнь для меня непривычную: да, гастроли, шикарные отели, «светская» публика — это было то, к чему я привыкла с детства. Это был мой, непостижимый для многих, а для меня — уютный мир. И я боялась всего, что может его нарушить, хотя понимала, что выходить надо. Каждое критическое замечание, пусть и мягкое, больно било по нервам — мне казалось, что меня насильно вытаскивают из раковины. И я начала пить. Я не стесняюсь в этом признаваться, потому что знаю, что если я смогла преодолеть этот кошмар, значит, с ним могут справиться и другие. Я принимала успокоительные таблетки и пила до тех пор, пока не поняла, что становлюсь легендарным посмешищем. И я отправилась в клинику Бетти Форд (*клиника для больных алкоголизмом, которую основала жена бывшего президента США Джеральда Форда, сама в свое время столкнувшаяся с такой же проблемой.— Авт.*). И вот, с 1984 года я абсолютно чиста. Я узнала, что чувства, даже самые горькие,— это твои собственные чувства, они не дают тебе забыть, что ты живая, не некий символ, одаренный «Оскаром» и великолепным бытом, а нормальный живой человек».

Она снялась в фильме «Полицейский по найму», который сейчас идет по нашим экранам — ну, не «Кабаре», но хорошая, крепкая работа. Записала с группой «Пет Шоп бойз» пластинку «Результаты», ту самую, которая вошла в хит-парады молодежных изданий: «Это было так интересно! Это отличная музыка, впрочем, я ведь тоже не всегда слушала только «старье» — я люблю «Битлз», «Роллинг стоунз», «Эверли бразерз». А записываться «по-роковому» так увлекательно!» У нее хороший муж: «Мы живем с Марком (*Джиро.— Авт.*) вот уже десять лет. Он скульптор и очень спокойный и терпеливый человек. Десять лет брака в шоу-бизнесе — это как семьдесят в нормальном мире!» Она научилась не обращать внимание на укусы прессы и на «воспоминания», в которых говорится о ее несуществующих романах и диких выходках: «Воспоминания» — новый идиотский голливудский жанр. Раньше, если умирал кто-то из знаменитых, спрашивали: «А он оставил завещание!» Теперь: «А он оставил воспоминания!» Я все время помню слова мамы. Когда появлялась какая-нибудь очередная статейка о ней, она говорила: «Бог с ними. Ко мне ведь это не имеет никакого отношения».

Короче, Лайза Миннелли жива и живет в Нью-Йорке. Хотя, между прочим, три американских городка взяли себе гордое имя Лайза Миннелли-Сити.

П. ВАГИНА

Liza Minnelli

АФЕРА

THE STING

США. 1973 г. 2 ч. 5 мин. Реж. Джордж Рой Хилл. Музыка Скотта Джоплина. В ролях: Пол Ньюмен, Роберт Редфорд, Роберт Шоу, Эллен Бреннан.

Этот фильм стал классикой кинокомедии и рекордсменом (по тем временам) по количеству полученных «Оскаров» — шесть.

Старый аферист (Пол Ньюмен) «показывает класс» аферисту молодому (Роберт Редфорд), и с помощью остроумной махинации им удается выманить миллион долларов у очень несимпатичного мафиози. Фильм был настолько популярен, что к его десятилетию было выпущено своеобразное продолжение — «Афера II», с другими актерами и другим режиссером.

США. 1989 г. 2 ч. Реж. Херберт Росс. Сцен. Роберт Харлинг. В ролях: Сэлли Филд («мамаша» Линн Итентон), Долли Партон (Труви Джонс), Ширли Маклейн (Уизер Бодро). Дэрил Ханна (Аннеле Дюпюи Десото), Олимпия Дукакис (Клер Белчер), Джулия Робертс (Шелби Итентон-Лэтчери).

Жительница маленького американского городка Шелби Итентон, несмотря на предупреждения матери и врачей, решает родить ребенка. Она умирает, и группа женщин — с самыми разными характерами и самыми разными судьбами — объединяются вокруг «мамаши» Линн Итентон.

Это грустный и смешной рассказ о женщинах с сильными характерами и о женской дружбе, в которую традиционно не верят мужчины. И вообще, мужчины в этом фильме показаны весьма даже нелицеприятно, а поскольку и режиссер, и сценарист принадлежат, как выясняется, не к лучшей половине человечества, то, может, взгляд достаточно объективный!

СТАЛЬНЫЕ МАГНОЛИИ

Steel Magnolias

США. 1983 г. 2 ч. 2 мин. Реж. Майкл Эптид. Комп. Джеймс Хорнер. В ролях: Уильям Харт (Аркадий Ренко), Ли Марвин (Джек Осборн), Брайан Деннехи (Уильям Кирвилл), Джоанна Пакула (Ирина Асанова) и др.

Добросовестная экранизация известного теперь и у нас романа Мартина Круза Смита «Парк Горького». Честный советский следователь, честный американский следователь, нехороший американский бизнесмен, имевший доступ в «высшие эшелоны» нашей власти... Короче, эдакий «перестроечный» фильм доперестроечной поры. Смотрится забавно — когда дело касается реалий нашей жизни. Впрочем, в свое время американские критики отмечали определенную новизну подхода — это ж надо, наш следователь, отловив преступника в Америке и зная, что дома его ждут неприятности, все же возвращается в СССР!

GORKY PARK

ПАРК ГОРЬКОГО

США. 1990 г. 1 ч. 50 мин. Реж. Роберт Земекис. В ролях: Майкл Дж. Фокс (Марти Макфлай), Кристофер Ллойд (Док Браун), Томас Уилсон («Безумный пес» Тэннен), Мэри Стинберген (Клара Клейтон) и др.

На этот раз создатель «машины времени» Док Браун попадает в 1885 год, на Дикий Запад. Марти Макфлай отправляется на выручку, оба героя в полной мере вкушают прелести той жизни, а Док погибает. Эдакий «фантастовестерн», причем создатели фильма уверяют, что он — последний из серии.

НАЗАД В БУДУЩЕЕ III
BACK TO THE FUTURE III

ПРИЗРАК В ОПЕРЕ

США. Великобритания. 1990 г. 1 ч. 32 мин. Реж. Дуайт Г. Литтл, комп. Эндрю Ллойд Уэббер. В ролях: Роберт Энглунд (Эрик Дестлер), Джилл Шолен (Кристина Дэй), Стефани Лоуренс (Карлотта) и др.

Да, да, это экранизация «оперы ужасов» Эндрю Ллойда Уэббера («Иисус Христос — суперзвезда», «Эвита», «Кошки» и др.). Певица Кристина Дэй находит в нотной библиотеке отрывок какого-то забытого произведения, репетирует его, и звуки музыки вызывают призрак композитора, умершего в прошлом веке. А призрака играет Энглунд, знаменитый «Фредди Крюгер», здесь он тоже предстает в такой страшной-престрашной маске, что критики назвали фильм «Кошмар в Опере».

PHANTOM OF THE OPERA

A FISH CALLED WANDA

РЫБКА ПО ИМЕНИ ВАНДА

Великобритания. 1988 г. 1 ч. 48 мин. Реж. Чарльз Кричтон. Сцен. Джон Клиз. В ролях: Джон Клиз (Арчи Лич), Джейми Ли Кертис (Ванда Гершвиц), Кевин Клайн (Отто Уэст), Майкл Пэйлин (Кен Райл) и др.

Очень хорошая комедия, вошедшая, по классификации журнала «Тайм», в «двадцатку» лучших фильмов прошедшего десятилетия.

Тепленькая компания грабителей крадет из банка драгоценности, естественно, вор крадет у вора, американская красотка Ванда пытается вытянуть сведения у добропорядочного английского адвоката Арчи Лича, у старушки убивают пуделей, грабитель Отто врет, что он в прошлом — агент ЦРУ... В общем, неразбериха полная. При чем здесь рыбка! Да она в аквариуме живет.

Советуем обратить внимание на английского актера Джона Клиза: он этот сюжет придумал, он его продюсировал, он в нем сыграл — и блистательно. Особенно он хорош, когда читает по-русски стихи, чем окончательно покоряет сердце Ванды (не-рыбки).

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 коп.